

АЛЕКСАНДР КОСЕНКОВ

ДАЛЕКО ОТ НЕБА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Александр Косенков

Далеко от неба

«ВЕЧЕ»

2020

Косенков А. Ф.

Далеко от неба / А. Ф. Косенков — «ВЕЧЕ», 2020 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-8577-0

Эта история основана на реальных событиях, начавшихся в далеком 1908 году, когда казачий конвой, сопровождавший годовую добычу золота с Бодайбинских приисков, вынужден был изменить свой привычный маршрут к Лене на неведомую тропу через таинственный Северо-Муйский хребет. Путникам пришлось пережить немало приключений, отбиваясь от бандитов и отыскивая дорогу через неизведанные дебри... Рассказ об утерянном золоте стал местной легендой в небольшом таежном поселке, верить в которую после всех событий, обрушившихся на Россию в XX веке, почти перестали. Но череда трагических и таинственных происшествий вновь напомнила о его существовании.

ISBN 978-5-4484-8577-0

© Косенков А. Ф., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Александр Косенков

Далеко от неба

© Косенков А.Ф., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Часть I

Третью небольшую храма, где в этот час шла утренняя служба, занимали леса: в Серафимовском пределе художник подновлял настенную роспись. Лик архистратига Михаила, освещенный дымным солнечным лучом, проглядывал сквозь перекрестье досок нахмуренно и устало. Словно был недоволен слабыми старческими голосами добровольных певчих, темной сутулой группой сбившихся на клиросе.

Отец Андрей оглянулся на замешкавшегося дьякона, и тот, выступив вперед, стал читать Символ веры. Немногие присутствующие на службе прихожане вразнобой подхватили: – Верую во единого Бога Отца...

В это время в храм вошли четверо. Не перекрестившись, стали оглядываться по сторонам. Лик архистратига Михаила погас.

Отцу Андрею показалось, что он узнает плотную фигуру низко опустившего голову человека, стоявшего чуть впереди вошедших. Но в это время служка отворил врата, и отец Андрей, подняв для благословения крест, поклонился и, повернувшись, ушел в алтарь.

Служба закончилась. Быстро переодевшись, отец Андрей перекинул через плечо сумку и пошел к выходу. Четверо по-прежнему стояли посреди храма. Тот, который показался ему знакомым, сложив как положено руки, сделал шаг навстречу и тихо сказал: – Благословите, отец Андрей.

Это был Сергей Проценко, с которым они когда-то вместе сдавали кандидатский минимум.

– Давно веруешь? – подойдя вплотную, но не поднимая для благословения руки, спросил священник.

– Осознал, крестился, верую, – улыбаясь, сказал Проценко.

Глаза их встретились, и отец Андрей угадал в чуть прищуренном взгляде бывшего завлаба института полупроводников затаенную иронию, с которой тот воспринимал и свою просьбу, и заметное нежелание священника сказать привычные слова благословения.

– У меня к тебе еще одна просьба, – торопливо перекрестившись, сказал Проценко, придерживая Андрея за плечо.

– Извини, очень спешу, – сказал тот, делая шаг в сторону.

– Подвезу. Тебе куда?

– Спасибо, мне рядом.

– Изложу все до ворот...

Они вышли из церкви и пошли по направлению к воротам. Трое шли следом.

– Открываю филиал. Возле Дворца спорта. Бывшее ПТУ.

– Поздравляю.

– Спасибо. По православному обычаю требуется освятить.

– Мне?

– Тебе.

– Почему?

– Хотя бы потому, что бывшие коллеги должны помогать друг другу. С начальством твоим я договорился. Назвал тебя – никаких возражений. На мой взгляд, Владыка к тебе прекрасно относится. Ты всегда был на хорошем счету – и в институте, и в этом своем новом качестве. Честно говоря, для всех, кроме меня, это была полная неожиданность.

Андрей остановился.

– Я все понял. Если тебе интересно – у меня нет ни малейшего желания освящать твой филиал.

– Догадывался. Поэтому принял соответствующие меры.

Отец Андрей оглянулся на стоявших чуть в стороне «проводимых».

– За кого ты меня принимаешь? – Проценко снова растянул в улыбке толстые губы. – В шестнадцать ноль-ноль машина будет ждать у твоего дома. Серый БМВ. Вон тот. Прихватывай соответствующую атрибутику. После банкета привезем в целости и сохранности.

Помнишь нашу столовку в институте? Кто тебе всегда одалживал «рваный» до зарплаты? А зарплата все откладывалась и откладывалась. Там, кажется, и сейчас дела не лучше. Так что, старик, мы оба поступили весьма мудро, сменив стезю на более отвечающую нашим способностям и возможностям. Как там у вас? – «Не суди и не судим будешь»? А если насчет прессы, слухов и всего прочего – не бери в голову. Обычная суэта вокруг того, кто вырывается вперед. Одни завидуют, другие придерживаются, третьи стараются столкнуть в кювет. В нашей прежней научной среде разве не так было?

– Нелегко, значит, даются филиалы? – не выдержал отец Андрей.

– Заметно?

– Постарел. Много лишних слов говоришь.

– Все мы не без греха. Значит, жду?

– Постараюсь отказаться. Но если не примут во внимание – буду.

– Я уже всем нашим сообщил. Плюс пресса, телевидение. Не стоит упускать возможность засветиться. Даже тебе.

Андрей еще раз пристально посмотрел в глаза собеседнику, но, не разглядев в них ничего, кроме почти не скрываемой иронии, отвернулся и быстрым шагом пересек свободную в тот момент от движения транспорта улицу.

* * *

Отец Павел – протоиерей главного городского храма и духовный наставник Андрея – сидел, низко опустив голову. Он не смотрел на отца Андрея, слышал только его голос.

– Я уже не говорю о том, каким путем достался ему этот капитал и все эти его «заведения». Не буду говорить о том, что он за человек – я-то его хорошо знаю. Он ведь нисколько не верит ни во что. Просто пыль в глаза пустить хочет. Модно это сейчас в их кругу.

Отец Павел поднял голову и сумрачно посмотрел на стоявшего перед ним отца Андрея.

– Не пойму, что в тебе говорит? Раздражение? Или, хуже того, – зависть? Вы, кажется, друзьями были?

– Не были мы друзьями. И быть не могли.

– Почему?

– Не могли. Разные слишком.

– О своей душе ты подумал, спастись стал. А о его?

– Нельзя спасти того, кто не хочет спастись.

– Уверен в этом? Досконально уверен? Ведь он к тебе пришел. Не к пастору, не к раввину, не к шаману какому-нибудь. К тебе!

– Он за мной пришел, а не ко мне и не в церковь. Доказать хочет.

– А ты пользуйся! И другим покажи, что ты наш, а не их.

– Не должен я там быть. Нельзя грех освящать. Одно название «культурный центр». Рулетка, ресторан, компьютерные игры, еще там что-то...

– А ты крест туда! Крести и молитву! И слово Господне! В миру не спасаются, а спасают. В этом служение. Отстраниться – куда как легче. В самое пекло шагнуть, как Господь, – вот сила. Хоть одну душу спасти, пример подать. Обличать легче, обличителей сейчас сколько угодно. Спаси, указать, руку протянуть, защитить...

* * *

Перед высоким, разукрашенным разноцветными шарами и флагами крыльцом «филиала» толпился народ. В толпе сновали журналисты желтых газетенок. Камеры телеоператоров медленно панорамировали по лицам гостей и заканчивали панораму на крупных буквах, сверкающих мозаикой разноцветных огней. Арка из букв составляла слово «ВАВИЛОН». Хозяин и самые именитые из приглашенных стояли на крыльце, на котором был установлен микрофон. Некоторые уже нетерпеливо поглядывали на часы. Наконец Проценко разглядел пробирающегося сквозь толпу отца Андрея, сделал кому-то знак – музыка стихла. Щелкнул по микрофону, улыбнулся оглушительному звуку удара и, не отрывая глаз от поднимающегося на крыльцо отца Андрея, заговорил: – Дамы и господа, уважаемые товарищи, братья и сестры! Позвольте приступить к долгожданной процедуре, к которой мы готовились без малого два года. Чуть позже вы оцените дела рук наших и нашего, не побоюсь похвалиться, творчества. А сейчас, по старому российскому обычаю – освящать всякое новое дело, предоставляю слово священнику – отцу Андрею. Кстати говоря, моему старому доброму другу, с которым мы в свое время съели не один пуд соли на поприще бывшей советской науки, ныне, как все вы прекрасно знаете, почивающей в бозе. Но, как говорится, нет худа без добра. Не сядь наша наука на голодный паек, не было бы вот этого замечательного культурного центра, не было бы благословения моего друга, который теперь напрямую общается не с завлабами и академиками, а с самим Отцом Небесным.

Тихо добавил остановившемуся рядом отцу Андрею:

– Начинай, Андрей, заждались.

Микрофон усилил шепот до самых задних рядов собравшихся. Кое-кто с пониманием улыбнулся, остальные с любопытством смотрели на происходящее. В визире одной из телекамер в резком наезде укрупнилось и застыло лицо отца Андрея. Он стоял, опустив голову, и ничего не говорил. Стоявшие на крыльце недоуменно переглядывались. По толпе побежал шепоток.

Медленно, словно размышляя, священник заговорил. Мощный микрофон явственно доносил до собравшихся каждое его слово.

– Что такое освящение? Дух Святой призвать на помощь благому делу, благословения попросить, чтобы не было от этого дела ни заблуждения, ни зла, ни гибели ближним. – Поднял голову, повернулся к стоявшим рядом на крыльце. – Бога обмануть хотите? Да если бы у вас хоть капля веры была, знали бы – не обманете! Вы его, как эти шарики, использовать решили, в рекламных целях. А потом забудете, как и не было. Потому что и быть его не может, и не будет никогда в этом месте. Очень точное название выбрали. Молиться буду, чтобы та же судьба постигла. Не будет ни вам, ни тем, кто придет сюда, ни света, ни веры, ни надежды. Заблудились во тьме и грязи, там и оставайтесь, пока конец не настигнет.

Отец Андрей спустился по лестнице и пошел сквозь расступающуюся молчаливую толпу.

Проценко, уцепившись за стойку микрофона обеими руками, с ненавистью смотрел ему вслед.

– Еще одно подтверждение того, что Бог и его служители – это не одно и то же. Где, спрашивается, прощение, милосердие, доброта? А мы, между прочим, бесплатный игровой зал для подростков, чтобы они по улицам не шатались. Раз в неделю бесплатный сеанс для инвалидов и участников войны, дискотека... А вы? Вы что?

Грянула музыка. Толпа хлынула ко входу. И только несколько человек в раздумье остались на месте, да двое-трое повернулись и пошли прочь.

* * *

– Ты подумал обо мне? О дочери? О том, что будет с нами со всеми? – тихо спросила Марина.

Отец Андрей, сидя за кухонным столом, бесцельно водил ложкой в тарелке с супом. Марина стояла у окна, смотрела ему в спину.

Молчание становилось невыносимым.

– Я никуда не поеду, – наконец сказала она.

Он по-прежнему молчал, глядя в тарелку.

– Не понимаю! – со слезами в голосе продолжала Марина. – Не по-ни-маю! Собираешься спасти неизвестно кого. Неизвестно, хотят ли они спастись. И можно ли их спасти. Ради этого готов погубить себя, меня, ребенка. Это по-божески, да, по-божески?

– Я никого не собираюсь спасти, и никого не собираюсь губить, – наконец выдал из себя отец Андрей.

– Да? – уже не могла остановиться Марина. – Скажи, я возражала, когда ты выбрал этот свой путь? Бросил все, начал с нуля. Я беременной голодная сидела, работала до последнего, в роддом сама пешком ушла, потому что у тебя служба.

– Я не знал, – совсем тихо сказал отец Андрей.

– Звонила, умоляла...

– Как только служба кончилась, мне передали. Я сразу побежал.

– А если бы я умерла? Свалилась на улице?

– Бог помог...

– Бог? Бог... Я сама себе привыкла помогать. Все эти годы – сама, сама, сама.

– Я тебе бесконечно благодарен за все. Если бы не ты...

– Благодарен? Не смейся. Только-только свет увидели – не выдержал, снова нас подставляешь. Куда мы поедем? Что мы там делать будем? Катька еще после болезни не отошла, ветром качает. Светится насквозь. А ты ее в дыру эту неведомую, на погибель. Я отцу Павлу звонила, говорю: побойтесь Бога! Пожалейте! Знаешь, что он мне ответил? «Мы ему прекрасный приход предложили, рядом, в соседнем городке. Час езды. Никого слушать не стал». Там даже церкви ещё нет.

– Есть.

– И жить негде.

– Я сначала один. Все устрою, потом вы приедете. Если захотите.

– Не захотим, не надейся даже. На себя я уже рукой махнула, а ребенка не дам погубить.

– Там чудесный воздух, тайга, тишина...

– Ничего ты не понял, отец Андрей, – безнадежно сказала Марина. – Ей не тишина нужна.

Ей нужны хорошие врачи, хорошее питание, хорошие учителя, книги, общение. Она должна жить нормальной жизнью. Я все узнала. Там всего три тысячи населения, и все поголовно алкаши. И самый высокий процент сумасшедших и самоубийств на душу населения в области. Андрей, ещё есть время, одумайся.

Отец Андрей закрыл глаза, и хотя его губы не шевелились, видно было, что он читает молитву.

Марина отвернулась к окну, плакала.

* * *

Разбитая таежная дорога тянулась вдоль берега, послушно повторяя его повороты. Свернуть было некуда. Слева, почти вплотную, река, справа – сплошной неровной стеной скалы.

Лишь изредка, когда скалы непроходимо упирались в стремительную темную воду, дорога, вильнув, начинала круто подниматься вверх. Но река не исчезала из виду, только шире и просторнее распахивалась заречная таежная даль, замкнутая по горизонту синей цепью острых гольцов.

Лесовоз, надсадно взвывая перегретым мотором, медленно полз в гору. Позади непроядно висела долго не оседающая красноватая пыль.

– Думаешь в дождь лучше? – весело спросил Михаил Тельминов, повернув к отцу Андрею запыленное лицо, на котором струйки пота проложили грязные борозды. – Тоже загребень. В дождь на этом подъемчике неделю прокукарекаешь.

В кабине лесовоза кроме молчаливого хмурого шофера их было еще двое. Михаил сидел у дверки, отец Андрей расслабленно и устало покачивался в середине. Ему уже начинало казаться, что дороге никогда не будет конца.

– Если интересуетесь, гражданин священник, могу изложить некоторые интересные статистические данные насчет нашего отдаленного места существования. Чтобы вам было легче ориентироваться в предстоящей обстановке. Желаете или как?

– Излагайте, – согласился отец Андрей и закрыл глаза.

– Тогда докладую... По секретным данным последней переписи населения, которыми по знакомству поинтересовался в районной прессе... Раньше она называлась «Путь к коммунизму», теперь просто «Путь»... население нашего района на сегодняшний день составляет 4 211 человек. Семьдесят процентов мужского населения – потомственные и неизлечимые алкоголики. В районе числится 372 руководителя районного и местного управления и самоуправления. Получается, на каждых одиннадцать и три десятых члена простого народонаселения приходится по одному руководителю. Ничего, живем. Хреново, конечно, а где сейчас лучше? У нас хоть воздух свежий.

Тельминов сплюнул в открытое окно черную от пыли слюну.

– Рыба, правда, тоже неизвестно куда подевалась, но воздух свежий... Когда ветер...

Последние слова Михаил произнес, сильно высунувшись из окна. Подъем заканчивался. Впереди на краю дороги стоял человек.

– Тормози! – закричал Михаил и, снова чуть ли не по пояс высунувшись из окна, восторженно взвыл на всю окрестную тайгу: – Здорово!

Человек заскочил на подножку и сунул для поздравления руку счастливо улыбающемуся Михаилу. Отец Андрей открыл глаза и внимательно посмотрел на нового пассажира, уверенно устроившегося на подножке.

Тельминов захлебывался словами: – Заезжал в твоё заведение повидаться, а они мне: «Отбыл в неизвестном направлении». По секрету добавили: «в тундру подался». Соображаю – на хрена Василию Михайловичу Боковикову тундра, когда здесь волчары в беспредел обнаглели? На ходу глотку рвут, хоть вовсе с проживанием завязывай. Попом у нас будет, – объяснил он, поймав взгляд Василия на отца Андрея. – Арсений, как обещал, церкву построил, все путем. Слышал, что у него дочка пропала? Сначала пропала, потом отыскалась. А что толку? Не говорит, не помнит ни фиги. Он вот не верит, что у нас такие происшествия случаются. У нас тут такое происходит... Как вас все-таки по батюшке? Гражданин, или товарищ, или еще как?

– Просто «отец Андрей».

– Так вот, Андрей батькович, у нас тут случается – «Войну и мир» писать можно. На кладбище каждая вторая могилка – «трагически погиб». На позапрошлой неделе Венька Синцов сначала бабу свою из карабина, потом Петровича в ногу достал – маленько тот за баньку не успел схорониться. Потом топиться побежал. Так разве по пьянке утонешь? Леспромхозовские его с моторки словили, набуцкали как следует. Не помню, кричит, гад, ни хрена.

– Мать у Витальки? – не поворачивая головы, спросил Василий.

– Была у него, – посерьезнел Михаил. – Сейчас все больше у Арсения. За дочкой его приглядывает.

– Ивана где схоронили?

– С отцом рядом, где еще.

Василий неожиданно свободной рукой сгреб Тельминова за ворот и рывком подтянул к себе. – А вы, суки, что?! В штаны наложили?

– Что я?! Что я?! – тоже закричал Михаил. – Я даже рядом не находился. В психушке сидел!

Василий отпустил Михаила: – Ботало.

– Не веришь, да? На полном серьезе. Достал гад!

– Кто?

– Артист, кто еще! Сначала выговор залепил ни за что, потом дрова заготавливать. Я ему охотник или бич – дрова пластать? Сам, говорю, заготавливай. Снова достает: – Какой ты охотник – план ни разу не выдал. Сам, падла, который год самый худший участок выделяет. На Сухой. Там же гарь одна. Ну, я ему доказал.

– Как? – неожиданно для себя спросил отец Андрей.

– Так. Беру мелкашку – и к нему. Спрашиваю: значит, хреновый я охотник? Он по первости пересрал, потом видит, что свидетелей полная контора, лыбится: мол, безо всяких сомнений. Завязывай, говорю, глаза. Он в ржачку – ты, говорит, из своей пукалки в столб через дорогу не попадешь. Завязывай, говорю, на звук стрелять буду. По этой самой... по интуиции. Промажу, на год дровишек заготовлю, попаду – отдаешь мой старый участок. Помнишь?

Василий кивнул.

– Цель, спрашивает, я выбираю? Выбирай, говорю. Мужик он заводной, когда выгода корячится. Показывает на Шуркиного кота, гад. Он у нее завсегда в это время на верее сидит дурак. Никак отучить не могут. Метров с полста от нас. Завязывай, говорю. Поскольку у меня тоже расчет на его психологию и на этого кота был. Он на этого кота давно бочку катил.

– За что? – не выдержав, улыбнулся отец Андрей.

– Дорогу перед его иномаркой перебежал, после чего он в поворот перед базой не вписался. Пьяный в жопу был, а кот виноват. Я так и рассчитал, что он кота приговорит. Мол, одному из двух все равно пропадать. Или мне, или коту.

– Не жалко кота было?

– При чем тут кот? За котом в следующем дворе его красотка стояла, которой он неимоверно гордится, употребляет только в целях собственного выпендрежа.

– Кто такая? – не выдержал уже и Василий.

– Вольва. Зад у неё не хуже, чем у Катьки моей, с закрытыми глазами не промахнешься.

– Не промахнулся? – хмуро спросил Василий.

– С двух выстрелов без обозрения оставил.

– Как это? – все больше заинтересовывался отец Андрей.

– Зеркала с двух сторон кокнул, – неожиданно вмешался в разговор шофер, и его грязное лицо тут же осветилось доброй детской улыбкой.

– Дурак! – коротко прокомментировал Василий.

– За это в психушку? – не поверил Андрей.

– Кот, понятное дело, как сидел, так и сидит. Артист сперва ржал полчаса, аж на карачках ползал, а как дошло, в чем дело, давай в милицию звонить. Хотели оформить как вооруженное нападение. Хорошо свидетели были. Я теперь на всю оставшуюся жизнь усек – без свидетелей и без справки я с этими волчарами больше не играю. Окрестная обстановка не позволяет. Медицину привлекать стали в своих целях.

– Каким образом? – все больше заинтересовывался отец Андрей.

– Сделали справку, что у меня шизофрения на почве алкоголизма. Под это дело все оружие, вплоть до капканов, конфисковали. Главное дело, сам алкаш беспробудный, который справку выдавал. Терапевт наш. Какой он певт, когда пьет, как лось. За водяру мужику аборт сделает. В прошлом году бабу свою заместо антенны на крышу загнал. В полном голом виде. Она у него хоть и дура набитая, все-таки учительница младших классов. Ученики видят...

– Веселая у вас жизнь, – сказал отец Андрей.

– Обхохочешься, – согласился Михаил. – Не знаем только, когда смеяться, когда плакать. Моя крик подняла. Езжай, говорит, в город, доставай другую справку, что не алкаш и не шизофреник.

– Достал? – без интереса, не глядя на Михаила, спросил Василий.

– Целый этот собрал... Как его? Консилиум. По всем статьям оправдали. Терапевту теперь такую клизму зам...чат. Он выводы насчет меня права не имел делать. Специальность у него совсем в другом направлении...

Вдали показался поселок. Вдоль дороги тянулась свалка. За ней засинело пирамидками обширное кладбище.

– Тормозни! – приказал Василий и, не дождавшись остановки, на ходу прыгнул. Пыль скрыла его высокую сухощавую фигуру, а когда пыль осела, стало видно, что он уже подходит к кладбищу, широко шагая через зацветающие стебли кипрея.

– Кто там у него? – спросил отец Андрей.

Тельминов глянул на него, словно впервые видел, ничего не ответив, выпрыгнул из кабины и, чуть не упав, побежал вслед за скрывшимся за кладбищенскими соснами Василием.

Отец Андрей перекрестился.

* * *

Лесовоз остановился у магазина в центре поселка. Неподалеку была столовая. Правее – «Промтоварный». Наискось через пыльную узкую улицу скособочилось высокое крыльцо почты. Двухэтажное деревянное здание гостиницы тоже рядом. За гостиницей, за углом, отделенное от прочих строений небольшой площадью, в центре которой, полускрытый чахлыми топольками, уродливо серебрился недавно выкрашенный памятник Ленину, неуютно возвышалось кирпичное здание местной администрации.

Несмотря на самый разгар рабочего дня, у местных торговых точек толпился народ. Бабы у «хлебного» ждали, когда из пекарни привезут последнюю выпечку. Мужики сидели в тени на завалинке «Культтоваров» – месте, с давних пор облюбованном для делового и полуделового общения, дележки местными новостями, но чаще всего для совместного уничтожения периодически то одним, то другим участником посиделок приобретаемых спиртных напитков. В иные дни тут собиралось до двух-трех десятков увильнувших от повседневных обязанностей мужиков, и тогда, прислушиваясь и приглядываясь, без особого труда можно было получить вполне достаточное представление о подробностях и особенностях поселковой жизни.

Остановившийся и напыливший на полпоселка лесовоз привлек всеобщее пристальное внимание.

– Что, Леха, не подфартило? – крикнул кто-то из толпы мужиков устало прыгнувшему на землю шоферу. – Без пассажиров нынче?

– Как там городские? Воют? – подойдя к шоферу и снисходительно протягивая руку, спросил Степка Добрецов.

В поселке Степку побаивались. Из-под густых волос, почти закрывавших низкий лоб, с сумасшедшей похмельной веселостью щурились выцветшие, почти белые глаза с черными точками судорожно вздрагивающих зрачков. Долго смотреть в эти зрачки было невозможно –

становилось неуютно и жутковато. Казалось, вот-вот Степка выкинет что-нибудь неожиданное и страшное. Степка видел, что его боятся, и ему это нравилось.

Шофер нехотя пожал протянутую руку и громко сообщил: – Василий прибыл. Боковиков. У кладбища сошел. К Ивану, говорит, пойду.

На улице сразу стало необычно тихо. Даже женщины перестали переговариваться и все, как одна, повернулись к лесовозу. Кое-кто из мужиков даже приподнялся с насиженных мест.

– Не трепись! – сказал сразу расставшийся со своей нагловатой улыбкой Степка Добрецов. – Ему еще два года кантоваться.

– Пересмотр был, – вдохновенно сымпровизировал возбужденный всеобщим вниманием шофер. – Свидетели отыскались.

– Если свидетели, по новой бы суд был, – авторитетно заявил неплохо разбирающийся в законах Шубин. – А никаких таких сведений не поступало.

После этих слов Шевчук, который уже начал было осторожно уходить в сторону, чтобы побыстрее смотаться с этой вестью к тому, кто был в ней кровно заинтересован, тормознул. Не хватало еще притащить явную лажу.

– Мишка Тельминов тоже с ним, – спокойно продолжал шофер. – Справку привез, что не псих и не алкаш. Лучшие профессора обследовали.

Мужики ворохнулись, поглядев друг на друга, а Шевчук крепко пожалел, что задержался, увидев, что кое-кто уже двинулся, как говорится, «на выход». А Басинская теща так та по наглядке рванула к конторе. Чешет, не оглядывается. Толпа у магазинов на глазах редела. Тогда Шевчук, оттолкнув кого-то, побежал через дорогу на почту, надеясь на служебный телефон для предупредительного звонка пока еще ничего не подозревающему хозяину.

– А еще поп приехал. У мостков вышел.

Степка сплюнул, подумал несколько секунд и тоже куда-то побежал.

* * *

Василий сидел на корточках внутри тесной могильной оградки, низко опустив голову. Тельминов, наблюдавший за ним из-за сосны, переминался с ноги на ногу, собираясь с силами, чтобы подойти...

Внутри ограды стояли две пирамидки. Пооблезлей, со звездой и выцветшей любительской фотографией – отца, поновее, с крестом и новой цветной фотографией – брата. Иван весело улыбался. Чуть раскосые глаза его смотрели насмешливо и прямо.

Михаил все-таки решился, подошел и, кашлянув, положил сорванный по дороге букетик кипрея к пирамидке Ивана. Василий, чуть приподняв голову, посмотрел на цветы.

– Мы с Егором Рудых свое расследование провели, – глядя в сторону, сказал Тельминов. Василий еще немного приподнял голову.

– Соображаю, за это дело меня в психи и определили. Бзднул кто-то, что концы отыщем.

– Отыскали?

– Не отыскали, а кое-чего сообразили. По кругу он шел.

– Ну?

– Спрашивается: почему? Два раза прошел. Где лежал, следы, конечно, никакие, стоптали. А дальше – нормально.

– Ну?!

– Я и говорю. Не был он пьяный. Положить на их стебаную экспертизу. Ослеп он! Поэтому по кругу шел. Шаг короткий – туда-сюда. На деревья наткался. Пьяный так не пойдет – свалится и заснет. А он всю ночь ходил. Зимовье – вот оно, рукой достать. Хоть в драбадан будешь – видно. Значит что? Не видел! Два раза прошел – и не видал! Ослеп!

– С хрена ослеп-то?! – закричал, вскакивая, Василий.

– Отравили, – просто и тихо сказал Михаил. – Яд такой, говорят, имеется. Сперва ослепнешь, а потом – концы.

Василий долго молчал. Михаил, не отрываясь, смотрел на него, ожидая главного вопроса. Но Василий вопросов больше не задавал. Он потянулся за сумкой, висевшей на оградке, достал бутылку и, сковырнув ногтем пробку, тихо сказал: – Помянем.

Михаилу налил в стакан, стоявший за пирамидкой, а сам, запрокинув голову, выпил, не отрываясь, оставшуюся в бутылке водку.

* * *

Разбежавшись, отец Андрей с головой ушел в воду...

Быстрое течение довольно далеко снесло его от места, где на пустынном берегу у полузатопленной лодки он оставил свою сумку и одежду. Противоположный крутой таежный берег нависал, казалось, над самой головой. На этом берегу за поворотом реки начинался поселок, но здесь было тихо и пустынно. Солнце серебрило холодную воду, высокая нетронутая трава от несильного ветра волнами текла под ноги. Одинокий куличок торопливо бежал по свею, оставляя на мокром песке сразу исчезающие крестики шагов.

Отец Андрей хорошенько обтерся полотенцем, достал и надел чистую майку, легкие темные брюки, потом осторожно расправил и надел рясу, перекрестившись, надел крест. Расчесывая густые длинные волосы, почувствовал чей-то взгляд, повернулся и увидел стоявшую поодаль и с удивлением смотрящую на него белобрысую девочку лет пяти-шести. Отец Андрей улыбнулся и поманил её рукой. Девочка попятилась и чуть не упала.

– А я знаю, как тебя зовут, – серьезно сказал отец Андрей. – Света.

– Не знаешь.

– А как же тогда?

– Анжелика.

– Думал, такая светленькая, значит, Света.

– Светка бояка. Её бабка на речку не пускает. Говорит, там Лохмак живет. Ты не Лохмак?

– Кто такой Лохмак?

– Не знаю. А ты зачем платье надел?

– Разве это платье?

– Не знаю. Так дяденьки не одеваются.

– Понятно. Знаешь, где у вас церковь построили?

– Не.

– Пойдем со мной, будем её искать. Пойдешь?

– Пойду.

Отец Андрей накинул на плечо ремень тяжелой сумки, взял девочку за руку, и они стали подниматься на взлобье небольшого холма, у которого река поворачивала к поселку. Сверху поселок открылся, как на ладони, и отец Андрей сразу увидел на противоположном его конце деревянный шатер небольшой церкви, над которым ярко сверкал на солнце крест.

Идти пришлось почти через весь поселок. Люди останавливались и долго смотрели им вслед. Лишь одна старушка поклонилась и, перекрестившись, закрыла рот рукой.

Церковь стояла в глубине обширного, заросшего травой двора. Дверь её была распахнута настежь и изнутри доносилось громкое пение буддийских лам.

– Я туда не пойду, мне страшно, – сказала девочка.

– Беги домой, – согласился отец Андрей. – Придешь в следующий раз, я тебе все расскажу и покажу.

Девочка убежала. Отец Андрей хотел перекреститься, раздумал и решительно вошел в храм.

После яркого вечернего солнца глаза не сразу привыкли к полутьме. Оштукатуренные белые стены, чисто вымытые окна, небольшой иконостас. По недавно выкрашенному полу проложена дорожка из газет к большой грубо сколоченной стремянке, на которой сидел худой, заросший человек в перепачканной краской джинсовой куртке и по набросанному углем рисунку раскрашивал изображение Пресвятой Богородицы, державшей на вытянутых руках плат Покрова. Рядом с художником стоял магнитофон, и внутри пустой церкви низкое горловое пение тибетских монахов казалось не только неуместным и чуждым, но и, действительно, страшноватым.

Приглядевшись, отец Андрей понял, что его сразу неприятно резануло при первом взгляде на раскрашиваемую фигуру Богородицы. Неканонический рисунок и локальная, не иконная яркость первых наложенных на штукатурку красок подсказали ему первоисточник, который явно послужил примером для художника. Оставив сумку у порога, он подошел к стремянке, на которой ничего не замечающий вокруг художник торопливо накладывал большой кистью мазки. Отец Андрей выключил магнитофон. Художник вздрогнул и испуганно оглянулся. На заросшем густой бородой лице глаза у него были такие большие, светлые и по-детски растерянные, что отец Андрей, уже заготовивший гневную тираду, растерянно замолчал. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга.

– Я подумал, если церковь Покрова, то надо Богородицу с Покровом... Арсений Павлович согласился. А вы, наверное, отец Андрей, да? Арсений Павлович поехал вас встречать, а у Маши опять припадок. Пришлось вернуться. Он там, а я сюда. Хотелось к вашему приходу... Я вижу, вам не нравится. Что именно?

– Всё!

– Всё, всё?

– Всё, что вы тут намалевали.

– Написал.

– Намалевали. Рерихом увлекаетесь?

– Он был православным человеком.

– Вот именно – был. Слезайте оттуда. Слезайте, слезайте.

Художник неловко спрыгнул на пол.

– Как прикажете вас величать?

– Олегом. Олег Викторович. Просто Олег.

– Крещеный?

– Хочу.

– Веруешь?

– Конечно.

– В кого?

– Честно говоря... До сих пор сомнения. Но во все чистое, светлое и хорошее хочу верить.

Ей-богу!

– Все чистое, светлое и хорошее и есть Бог. Художник?

– Окончил художественное. Потом медицинский три курса. В милиции год. Потом сюда.

– Почему в милиции? Сидел?

– Участковым работал. Самый тяжелый участок в городе достался. Думал, ещё год поработаю – вообще ни в кого верить не буду. Хорошо Роман Викентьевич подвернулся. Только здесь тоже...

– Что?

– Далеко от неба.

– Думаешь, в Тибете до него ближе?

– Если бы знать. Вы, наверное, устали, не ели ещё ничего. Идемте к Роману. Идемте, идемте, он ждет.

– Хорошо, пойдём. А это все придется убрать. – И он показал на рисунок.

– Все?

– Все.

– А мне нравится. Роман Викентьевич тоже не возражал.

– Что он за человек?

– Кто?

– Этот... Роман.

– Роман Викентьевич? Так вот сразу не скажешь. Другой.

Отвечая, Олег переодевался и сейчас замер в задумчивости, так и не засунув одну ногу в штанину.

– Другой – это как?

– Ну, все здесь такие, а он другой. Поэтому непонятно – зачем он здесь. Нет, сейчас понятно зачем. А зачем раньше – непонятно.

– А сейчас зачем?

– Он вам сам расскажет. Хотя, может, и не расскажет. Пока своими руками их не уничтожит. Или я, говорит, или они. Такая вот цель. Вы, конечно, осуждать будете.

– Буду.

Продолжая разговор, они вышли из церкви. Олег запер входную дверь.

– А я не знаю. Если каждому щеку подставлять, они только рады будут. Беспредел начнется.

– Кто «они»?

– Карма у здешнего народа просто катастрофическая. Поколение за поколением все хуже и хуже. Поэтому вырождение. Я давно уже пришел к выводу – единственный выход в самосовершенствовании. Вы не согласны?

Олег забежал вперед и заглянул в глаза отцу Андрею.

– Сколько вам лет, Олег?

– Двадцать семь. А что?

– Вспомнил, какая у меня в голове в эти годы каша была...

На выходе со двора им встретился спешивший куда-то старик Шабалин. Он остановился и угрюмо посмотрел им вслед. Почувствовав взгляд, отец Андрей оглянулся. Шабалин отвел глаза и, опираясь на тяжелую палку, заспешил дальше.

– Кто это? – спросил отец Андрей.

– Это? Это бывший хозяин здешних мест и всей окрестной тайги. А может, еще и не бывший. Разные тут разговоры ходят, наслушаетесь еще...

* * *

Мать трех сыновей Боковиковых – Виталия, Василия и погибшего Ивана – невысокая седая женщина с тяжеловатым лицом чалдонки и настороженным ускользящим взглядом, сидела в ногах Машиной постели и растирала пальцами и ладонями какую-то сухую траву, ссыпая труху в большую глиняную миску, стоявшую у неё на коленях. Маша – худенькая девушка с красивым нежным лицом и испуганными неподвижными глазами – сидела на кровати, прижавшись в стене и поджав ноги.

– И отец у моего Михаила Касьяновича такой же был. Заработок получит – и за водкой. Видишь, идет с бутылкой – тогда такие трехлитровые бутылки были – все, загулял Касьян, лучше не подходи. Будет пить, пока всю не кончит. Пьет и на лошадях катается. Лошадей не распрягал даже. Один пьет, сроду никого не позовет. Помаленьку пьет. Целый месяц пить может. А тетя Поля – свекровка моя – одна пластается. Слова никогда никому поперек не скажет. Работала с темна до темна. В таком широком фартуке все ходила, хлеб серпом жать

нанималась. По сорок соток жала на чужих людей. Ей хлеба надают, сколько унесет, она его в фартук сложит и несет домой. Детей у них четырнадцать было – кормить-то надо. Э-э, девка, да ты опять сомлела. Неинтересно тебе про жизнь про нашу. Конешное дело – это когда было-то. А как ни крути, все оттудова пошло... Может, песню спеть?

Маша чуть заметно склонила голову.

– Я тебе её уже сколь разов пела. Видать, на сердце легла. Иван её тоже уважал. Спой, говорит, мама, отцову любимую. Васька – тот сам пел, а Иван – чтобы я...

Негромким приятным голосом запела:

– Сине море без прилива, моряк плавал по волнам...

Окна в комнате завешены тяжелыми шторами – свет едва пробивается. На столе – отключенный компьютер, стопки книг экономического вуза, большой букет свежих полевых цветов. На стене – фотография весело смеющейся Маши. Другой стол весь заставлен яркими детскими игрушками – видно, что к ним давно не прикасалась ничья рука. Резким контрастом ко всему – современный пятизарядный карабин, пристроенный у дверей под большими оленьими рогами.

Пение оборвали стук в ворота и хриплый яростный лай заметавшегося во дворе Кармака. Аграфена Иннокентьевна торопливо отставила миску с травой, подошла к окну и осторожно выглянула. В двухэтажном особняке Аркадия Зарубина комната Маши была наверху, и сверху можно было разглядеть стучавших. Это были Олег и отец Андрей. С противоположной стороны улицы уже выглядывали из-за заборов и приоткрывшихся калиток соседи...

– Господи, дождались, – перекрестилась Аграфена Иннокентьевна и, тяжело ступая по крутой лестнице, стала спускаться вниз.

Как только она скрылась за дверью, Маша метнулась к карабину, умело передернула затвор, заскочила с карабином на постель и, направив ствол на дверь, стала ждать.

Аграфена Иннокентьевна оттащила Кармака от ворот, зацепила цепь за крюк у сарая и отодвинула тяжелый засов калитки. Олег и отец Андрей еще не успели зайти во двор, как у ворот резко затормозил запыленный уазик, и из него торопливо выпрыгнул Роман Зарубин. Он хлопнул Олега по плечу, крепко и внимательно пожал руку отцу Андрею.

– Простите великодушно, батюшка. Спешил вас перехватить – говорят, в церковь пошел. Я туда – никого. Так, конечно, долгожданных гостей не встречают, еще раз прощения прошу. Заходите, заходите...

Все вошли во двор. Захлопнувшаяся калитка и высокий забор отрезали их от любопытных взглядов.

– Проходите в дом, – пригласил хозяин. – Олег, показывай дорогу.

Олег и отец Андрей поднялись на крыльцо, вошли в дом. Зарубин придержал Аграфену Иннокентьевну.

– Как она?

– Роман, ты б её сейчас не ворошил. Я в погреб спустилась картошки набрать, а она спугнулась чего-то. До сих пор не в себе.

– Срок подошел, Иннокентьевна, начинать надо. Не вовремя батюшка приехал, ну да что теперь.

– Ты же срок на осень считал. Случилось чего?

– Еще не случилось, но может. Очень даже может. А ты давай сейчас к себе беги. Беги, беги. Василий вернется.

Аграфена Иннокентьевна охнула, приложила руку ко рту, как-то жалко, неверяще посмотрела на Зарубина: – Правда, что ль?

– Правда, правда, своими глазами видел.

Аграфена Иннокентьевна с неожиданной легкостью сорвалась с места...

* * *

Она торопливо шла по узкому деревянному тротуару, иногда даже пробежала несколько шагов и чувствовала, что чуть ли не каждый, кто попадался навстречу, останавливался и смотрел ей вслед. Взгляды были любопытные, неприязненные, иногда злые, иногда сочувственные. Но Аграфене Иннокентьевне почему-то они все казались испуганными, и она, с неожиданным для себя ожесточением, шептала: – Теперь посмотрим, как оно все обернется... Теперь все разберем...

– Слышь, Аграфена, – окликнул её от магазина старик Шабалин. – Поди-ка сюда!

– Чего надо? – так и вздернулась она вся, с ненавистью глядя на тонкие синюшные губы бывшего властителя этих мест.

– Твой интерес, потом, смотри, не пожалей.

Аграфена Иннокентьевна нехотя сделала несколько шагов к кучке мужиков, как всегда, окружавших высокую худую фигуру хозяина.

– Пенсию который месяц не везут. Чем Василия встречать будешь? Какая радость на пустое брюхо и сухую глотку? Так?

– Моя забота, – огрызнулась Аграфена Иннокентьевна.

– Понятное дело, твоя. Только мы не по нынешним, а по прежним нашим законам прожить должны. Как тогда провозглашали? – Человек человеку кто?

– Друг и товарищ, – услужливо подхватил Шевчук.

– Во. Правильные лозунги были. Мне, старику, деньги девать особо некуда. Сама знаешь – живу тихо, незаметно. – Он протянул Аграфене Иннокентьевне деньги. – Держи. Разбогатеешь – вернешь, не сможешь – поминать не буду. Держи, держи!

Аграфена Иннокентьевна руки навстречу не протянула, шага вперед не сделала. Рисковала глянуть в мертвые глаза Шабалина.

– Чего это ты раздобрел? То в упор не видишь, то последнее отдаешь.

– Интерес имею, – не смутился тот. – Кто раз одолжится, глядишь, во второй раз заглянет. А мне, старику, добрый гость в радость. Я ведь тебя не в первый раз выручаю. Не забыла еще?

– На том свете помнить буду.

– На том – ни к чему, а на этом – в самый раз.

– Боишься, что ль, чего?

– Чего нам с тобой бояться? Не сегодня-завтра из списков вычеркнут.

– С каких таких списков?

– Жильцов. Которые последние денечки на этом свете доживают.

– Не нужны нам твои деньги.

– Тебе не нужны, а Василию, пока оглядится да поймет, что к чему, еще как понадобятся. Не ждала, что срока не досидит? Или знала?

Иннокентьевна догадалась, что это и был тот вопрос, который вывел Шабалина ей навстречу, и еще больше насторожилась.

Их разговор привлек всеобщее внимание. Подходили, вытягивали шеи, прислушивались.

– А что, тетя Феня, может, сбежал Васька? У него не заржавеет, – выкрутился откуда-то сбоку Степка Добрецов.

– Какой он тебе Васька! – оборвала Аграфена Иннокентьевна. – Забыл уже, как я тебе занозы из задницы вытаскивала?

– Это по какому случаю такое происшествие? – без интереса спросил Шабалин и сделал Степке знак, чтобы уходил, не нарывался. Степка сплюнул и, ни слова не говоря, пошел прочь, замахнувшись на ухмылявшегося парня. Тот шархнул в сторону и чуть не упал, оступившись с деревянного тротуара.

– За нашими девками в бане подглядывал. А Вася его застал. Ну и посадил голым задом в шипишник. Если бы не я, еще неизвестно, какой мужик из него получился.

– А он до сих пор девками особо не интересуется, – сунулся было кто-то из подошедших мужиков, но, осаженный тяжелым взглядом Шабалина, спрятался за чью-то спину.

– Ты вот что, Аграфена, – по-прежнему спокойно, но уже с вполне уловимой угрозой не то в голосе, не то в выражении глаз тихо сказал Шабалин. – Насчет денег, как желаешь – понадобятся, в любой момент выдам. А Василию скажи, пусть забежит. Для его же пользы разговор будет. Передай – Шабалин все и про всех знает. А то наломает дров, потом не поправишь. Передашь?

Последние слова отдавали явной угрозой.

– Чего не передать, – тихо согласилась Иннокентьевна. И, словно спохватившись, громко добавила: – Только у него своя голова имеется. Чего ему меня аль тебя слушать? Сам говоришь – не жильцы уже.

Шабалин долгим злым взглядом посмотрел ей вслед, подозвал Шевчука, с опозданием притащившего ему новость о возвращении Василия, вцепился корявой сильной пятерней ему в плечо, так, что Шевчук испуганно поморщился, и приказал:

– Беги к Чикину. Скажи, чтобы наготове был в случае чего.

– В каком случае, Илья Семенович? – попытался уточнить Шевчук.

Шабалин посмотрел ему в глаза и тихо сказал: – Много будешь знать, сдохнешь в два счета. Понял? И к Игорьку на всякий случай наведайся. Пускай ко мне вечером заглянет.

* * *

Резкими рывками одну за другой Василий оторвал и отбросил в сторону доски, которыми была заколочена дверь их старой избы. Потом тронул большой замок, поднял валявшуюся у крыльца железяку, подсунул под пробойник, надавил – железяка легко согнулась. Василий зло откинул её в сторону, обвел глазами заброшенный, заросший травой двор, сел на крыльцо и, прислонившись спиной к закрытой двери, закрыл глаза...

Словно во сне, он увидел, как бесшумно открывается перед ним дверь, как, двумя шагами преодолев темное пространство сеней с косым солнечным лучом поперек, падающим из маленького пыльного оконца, он открывает другую дверь и видит в залитой солнцем комнате за праздничным столом всю семью: пьяно и весело рассказывающего что-то громадного отца, повернувшуюся на скрип двери маленькую улыбающуюся мать в светлой мешковатой блузе, худого, по-мальчишески нескладного Ивана, исподлобья глядящего на отца, горбатенькую Поленьку на руках у нахмурившейся тетки Тамары; а чуть подальше, у выбеленного солнцем окна, стоял Виталий. Его фигура казалась темным силуэтом на ослепительном фоне. Но вот он шагнул навстречу, солнечный свет лизнул его широкие материнские скулы и блеклые отцовские глаза, широкий рот растянулся невеселой улыбкой, и Василий отчетливо услышал, как, вырвавшись из общего неразборчивого шума, его хрипловатый голос достиг открывшейся двери, у которой он так и застыл, не переступив порога, – не то в нынешнем своем виде, не то одиннадцатилетним подростком только что вернувшимся с реки и еще переполненным ощущением недавней свободы.

– А мне батя ружье купил...

Похваляясь, Виталий вскинул ружье к плечу и прицелился прямо ему в лицо. За столом все разом стихли, медленно одна за другой погасали улыбки, зазвенел разбитый стакан. Все повернулись и смотрели на старшего, на Виталия, который старательно целился в него. Так и сидели все неподвижно, словно навеки застыли на старой выцветшей фотографии. И только Иван вырвался из этой общей неподвижности – медленно-медленно он поднимался, раскрыв

в беззвучном крике рот и протягивая тонкую мальчишескую руку навстречу так и не прозвучавшему выстрелу...

Василий слепо нащупал рукой замок и что было сил рванул его. Замок вылетел вместе с пробойником. Василий толкнул болезненно взвизгнувшую дверь, пересек темные сени, открыл вторую печально застонавшую дверь и вошел в избу.

Здесь было почти темно, пыльно, пусто; краски вещей были неразличимы; пахло сухими травами, пучки которых висели на протянутых через горницу веревках и сейчас с тихим, почти неуловимым шорохом закачались от сквозняка, роняя невесомые лепестки, листочки, пыль. Розоватый луч вечернего солнца, чудом протиснувшись сквозь щели ставни, тускло оконтурил розоватой пылью большую стопу посуды, стоявшей на столе, и отдельно, у края, большую отцовскую чашку с отбитым краем.

Снова натужно застонала, словно от боли, входная дверь. Василий оглянулся. На пороге стояла мать.

* * *

– Пока живите у меня – места хватит. Можете здесь, можете с Олегом в летнике, там тоже не тесно. Оглядитесь, с людьми познакомитесь. Дом для вас мы к зиме сгношим – не проблема. Можно по моему проекту, можно по вашему. Место сами выберете. Не желаете ждать – приобретем что-нибудь готовое. Сейчас многие рады отсюда в двадцать четыре часа без оглядки.

– От себя не убежишь, – неожиданно сказал Олег, отодвигая от себя стакан с вином.

Они сидели втроем в большой уютной гостиной. Наспех, по-мужски накрытый стол с грубоватой обильной едой, почти нетронутая бутылка вина.

– Не знаю, что ты имеешь в виду, но от себя бегать вообще не следует, – сказал Зарубин, не отводя глаз от опустившего голову отца Андрея. – Обстоятельства надо подчинять себе, а не убегать от них. Вы согласны, отец Андрей?

Андрей отозвался не сразу.

– Должен ответить, что обстоятельства зависят не столько от нас, сколько от воли Господа. Но очень важно, что от нас тоже. У человека всегда есть выбор. Только от него зависит, что он выберет, куда пойдет.

– Имеете в виду – к злу или к добру?

– Иногда думаем, что к добру, а получается – ко злу.

– А как не ошибиться? Как? – вдруг вздернулся Олег и даже встал со стула. – Я Богородицу, как Мать мира, Вселенной, с космической энергетикой хотел. Чтобы сразу ощущали, как войдут, как глаза поднимут. А вы говорите – неправильно.

– Это не я говорю. Она у тебя сверху вниз взирает, из космической дали, отрешенно. А у нее самое главное и великое – доброта. Безмерная доброта. И прощение. Она рядом должна быть, в глаза смотреть. Только тогда спасение разглядишь.

– Считаете прощение высшей добродетелью? – нахмурился Зарубин.

– Так заповедано.

– А вы, лично вы, могли бы простить того, кто на вашу мать руку поднял, дочку изнасиловал, вас жизни лишит собирается. Могли бы?

Повисло тяжелое молчание.

– Не знаю, – выдавил наконец из себя отец Андрей. – Наверное, не смогу. Но пытаться буду. Не простить, нет. Помочь.

– Помочь? Чем?

– Осуждением.

– Они человеческого суда не боятся, а на Божий суд им вовсе наплевать.

– Откуда нам знать...

– Да тут и знать нечего.

– Откуда нам знать, что мое осуждение или ваша месть не есть тот самый Божий суд?

Зарубин осекся. С интересом посмотрел на отца Андрея. Разлил по стаканам вино, не приглашая остальных, залпом опустошил свой стакан и лишь потом сказал:

– А вы, оказывается, не так просты, отец Андрей. Я уж было испугался – не приживетесь вы на здешней таежной неудобности. Тут без стержня первым ветерком в осадок сдует. Не привык еще наш народ к доброте, не привык. И в церковь они еще нескоро пойдут. Да и пойдут ли?

– Зачем же вы её тогда построили? Наняли бы на эти деньги других бандитов, чтобы они расправились с вашими обидчиками.

– Знаете про обидчиков? Не скрою – была такая мысль. Только я не для них строил, для себя... Для старух, для детишек, для вас. А с обидчиками я сам, своими руками. Чтобы осечки не вышло.

Разговор в гостиной, спрятавшись наверху за приоткрытой дверью, слушала Маша.

* * *

Прижимая к груди стеклянную банку с парным молоком, Аграфена Иннокентьевна пробиралась через огород к баньке, над трубой которой чуть курился теплый угасающий дымок, а небольшое оконце тускло светило в сумерках позднего летнего вечера. Неожиданно из соседнего огорода её окликнул Бондарь. Делать ему на огороде в это позднее время было нечего, и Аграфена Иннокентьевна догадалась, что поджидал он её специально.

– Слышь, соседка, – со своей обычной нагловатой фамильярностью позвал он. – Я ваше положение в настоящий момент, конечно, понимаю. На немедленном сроке не настаиваю, но через недельку – будьте добры. Потребую освободить для личных целей. Племяшу семейную жизнь устраивать требуется. Так что поимей в виду и своего меньшого в известность поставь. Пускай шибко надолго не располагаетсяся.

– Ты об чем? – замерла Иннокентьевна.

– Тебя что, Виталька не проинформировал? – притворно удивился Бондарь. – Купил я вашу гнилушку.

– Когда? – еле выдохнула Иннокентьевна.

– Разговор, сама знаешь, давно был. Сегодня рассчитались.

У Аграфены Иннокентьевны враз ослабли ноги.

– Он что сделал-то? – тихо сказала она. – Он что у меня-то ничего не спросил? Василий тоже свою долю имеет. Ему где жить-то теперь?

– Ты, баба Груня, радуйся, что купили. Кому по нынешнему времени такая развалюха нужна? Сейчас вон какие хоромы ставят. Если бы не племяш, я бы за неё и штуки не дал. Одна выгода, что рядом. Смахнем её к хренам в два счета. Ваське тут все равно не жить. Хорошо, ежели сам уедет, пока добрые люди не помогли. Так и передай.

Иннокентьевна выпрямилась и сверкнула на Бондаря таким обжигающе-злым взглядом, что тот невольно попятился.

– Сам и передай, я его кликну сейчас.

– Успеется, – сказал Бондарь, отходя в глубь огорода.

– Что, в штаны наложил? И думать забудь! Я своего согласия не дам. А деньги тебе Виталька сегодня возвернет.

– А я не возьму! – отозвался Бондарь, уже едва видный в сумерках. – Назад такие дела не поворачивают.

– Повернешь. Ещё как повернешь! – закричала Иннокентьевна. – Не говори только, что сам покупать надумал. Знаю, какой змей тебе нащептал. А то ты для племяша копейку выделишь! Тебе хоть одна холера поверит, нет?

Прижимая одной рукой к груди банку с молоком, а другой вытирая слезы, Иннокентьевна добралась до баньки, поставила на порог предбанника молоко, сняла с плеча и повесила на гвоздь полотенце – прислушалась. В баньке было тихо, только догорающие в каменке угли потрескивали, да чуть слышно капала вода.

– Вась, а Вась... – позвала она и, не дождавшись ответа, сказала: – Я тут тебе молочка парного принесла... Полотенце еще одно – голову оботрешь. Долго-то не сиди, а то сердце зайдется...

Василий, согнувшись, сидел на полке, весь в крупных каплях пота. Он не отозвался на голос матери ни малейшим движением и, только услышав, что она уходит, еще ниже опустил голову.

* * *

Ему отчетливо вспомнилась небольшая уютная комнатка Красного уголка зоны, где заседала комиссия. Трое офицеров сидели за столом, один на стуле у двери. На столе – груды папок – личные дела заключенных. На стене над головой майора распластал крылья тяжелый чугунный орел. Майор, сидя, зачитывал Указ о награждении:

– За проявленное в ряде оперативных боевых столкновений с противником личное мужество, находчивость, умение качественно ориентироваться в сложной боевой обстановке, вызвавшиеся в полном уничтожении группы боевиков на территории Усть-Мартановского района, наградить старшего сержанта Боковикова Василия Михайловича высшей наградой России – орденом Герой России.

В связи с Указом об амнистии участников боевых действий вы, Василий Михайлович, освобождаетесь от дальнейшего отбывания наказания. Награда вам будет вручена в военкомате по месту жительства. В решении об освобождении было также учтено заявление пострадавшего и свидетелей, что взаимные враждебные действия с вашей и их стороны были спровоцированы действиями неизвестного, выразившимися в приписываемом вам поджоге зимовья и потоплении двух моторных лодок типа «Кама» и «Обь»...

* * *

Василий вышел в предбанник, не вытираясь, натянул штаны и сел на порог. Рядом стояла банка с молоком.

Уже погасла за огородами река, на фоне потухающего неба расплывчато горбились заречные сопки. Высоко над головой колко проклюнулась первая звезда. В домах светились окна, во дворах то и дело взлаивали собаки, неподалеку сонно промывчала корова, на поскотине в еще не остывшей траве вовсю стрекотали кузнечики.

Подсвеченного светом, падавшим из полуоткрытой двери остывающей баньки, его хорошо было видно издали.

Неожиданно Василий улыбнулся. Качнул головой, словно пытался стереть эту неуместную улыбку, и – снова улыбнулся.

Звук выстрела был негромким, Василий его почти не услышал. Банка с молоком разлетелась вдребезги, и молоко залило босые ступни Василия. Броском он исчез из освещенного проема двери, присев за куст, стал вглядываться в сторону двора Бондаря – стрелять могли только оттуда. Потом, пригибаясь, несколькими стремительными прыжками пересек огород, перемахнул заплот, на ходу выдернув из него подпиравший кол, и застыл, прислушиваясь.

Показалось – неподалеку скрипнула дверь. Он метнулся в ту сторону и оказался перед глухой стеной бани Бондаря. Прислонившись к ней, он немного переждал и осторожно выглянул – никого. Дверь в баню плотно закрыта, но внутри слышно какое-то движение. По-кошачьи неслышно и гибко он скользнул вдоль стены, стал сбоку от двери и, выждав секунду, рванул её, согнувшись, нырнул во влажную духоту, прижался к боковой стене, выпрямился и замер...

Любаша – жена Бондаря – только что ополоснувшая в тазу длинные густые волосы, выпрямилась и удивленно уставилась на него. Вода стекала с её волос на плечи, на крупную грудь, блестела на животе, бедрах, сверкающими каплями стекала по ногам. На несколько секунд она застыла в растерянности – то ли закричать, то ли метнуться в угол. Но, узнав Василия и успокоившись его неподвижностью и слишком явным замешательством, она, не сводя с него глаз, нащупала за спиной на полке ковшик и, улыбаясь, протянула непрошеному гостю: – Стоишь, как пень. Подкинь. Париться, так париться.

Василий машинально взял ковшик, посмотрел в глаза Любаше. Его судорожно сжавшиеся пальцы смяли ковшик, как бумажный.

– А вы не ждали нас, а мы приперлися, – раздался тенорок Бондаря, и он возник на пороге с полотенцем, веником и тазом.

Василий отшвырнул смятый ковшик и, отодвинув плечом окаменевшего от неожиданности Бондаря, вышел. За спиной он услышал звонкий смех Любашы, оборванный тяжелым ударом и грохотом свалившихся на пол тазов. Потом они закричали друг на друга, щедро сдабривая руганью оправдания и обвинения. Что-то снова загрохотало, разбилось. Пронзительно завизжала Любаша.

Василий стоял посреди огорода, не зная – то ли вернуться и вмешаться, то ли плюнуть на все. Потом посмотрел в сторону своего двора. Отсюда отчетливо был виден яркий квадрат двери баньки, порог, на котором он сидел несколько минут назад. Прямая недавнего выстрела уходила в темноту за забором Бондаря.

* * *

Тельминов сидел за накрытым столом и громко рассказывал:

– Требуется тебе, говорит, полное обследование, экспертизу произвести, чтобы никаких сомнений не оставалось. Полагается на это дело дней пять, не меньше. И поверх очков зыркает. В точности, как россомаха.

– У россомахи откодь очки-то взялись? – подала голос возившаяся у плиты Аграфена Иннокентьевна.

– Видишь, тетя Груня, и ты на этот мой тест клюнула.

– Тесто какое-то приплел! – хмуро огрызнулась Иннокентьевна, то и дело поглядывавшая на дверь – ждала Василия.

– Да не тесто, а тест! Проверка такая. Они там сейчас в основном по тестам соображают, как у тебя мозги с окружающей действительностью сопрягаются. Тут смотри, какое дело: вот ты мне сразу вопрос – откуда у россомахи очки? А я имею в виду, что она, паразитка, умная, глядит вроде как исподлобья. И профессор этот такой же. Поместим тебя, говорит, в палату и будем проверять. Дело серьезное, промашки быть не должно. И задает мне вопрос – сколько было вождей пролетариата? Хрен, думаю, не подловишь. – Вождей, говорю, было несколько. Но лично я уважаю только одного – Кампанеллу. Гляжу, дядя обалдел маленько. По-новой – зырк-зырк на меня. – При чем тут, больной Тельминов, Кампанелла? Отвечаю: пока проверка не закончена, я еще не больной. А Кампанеллу уважаю за то, что Город Солнца придумал, великую мечту угнетенного человечества. Он, значит, снова поверх очков на меня глядит, лысиной вертит. У меня даже недоверие появилось – может, не того профессора подсунули? И тогда он врезает мне по этим самым... Сама понимаешь. У меня аж дыхалку прихватило.

– Говорят, они молоточками все стучают. Неужто прям по ним?

– Я, тетя Груня, в переносном смысле обозначил. В том смысле, что он очередной вопрос красиво поставил. Вроде как шах и мат. И правду сказать неудобно, и соврать боязно – догадается, спрашивать больше не будет. А мне, сама понимаешь, без справки в родные края лучше не заявляться.

– Что за вопрос-то? – безразлично спросила Аграфена Иннокентьевна. Михаила она слушала вполуха, снимала со сковороды блин за блином и то и дело оглядывалась на дверь и на звуки за приоткрытым окном.

В избе было прибрано. Травы она убрала, на окна повесила занавески, на стол скатерть накинула, постель застелила, вымытый пол укрывала половиками...

– Вопросик – я тебе дам! – заорал Михаил и в восхищении ударил кулаком по столу. – Мне такой никто в жизни не задавал. Потому что внешностью абсолютно не соответствую. А он, гад, догадался! Догадался и врезал. Стихи, говорит, пишешь?! Сечешь, тетя Груня? Мне, Мишке Тельминову, такой несоответствующий вопрос!

– Послал бы ты его! – в сердцах на безостановочную болтовню Михаила посоветовала Аграфена Иннокентьевна.

– Не имел такого морального права. Мужик, можно сказать, гениально ухватил самую суть моего существования. Подумал я, тетя Груня, подумал и – признался.

– Как это?

– Пишу, говорю.

– А он чего? – уже заинтересованно спросила Аграфена Иннокентьевна и еще раз глянула на дверь.

– Иди, говорит, в восьмую палату. Там у нас два писателя и один народный артист находятся. Ты, говорит, вполне с ними общий язык найдешь.

– Взаправду, что ль, пишешь?

– Пишу!

– А на кой?

– Поэтам такие вопросы не задают. Они пишут, потому что не могут не писать. Это мне там писатель сказал. Исключительно умный мужик.

– Заснул он, что ль? – в сердцах сказала Аграфена Иннокентьевна, посмотрев на ходики. – Блины стынут.

– Знаешь, что он мне объяснил? Если то, что написано, к людям не выпускать, может внутри колоссальный взрыв произойти почти ядерной мощности. Начинает тогда человек на частицы распадаться, не имеющие между собой никакой связи. И эта атомная пыль не дает правильно оценивать окружающую действительность. Ему там, видать, долго еще кантоваться. Боятся, что он такую книгу напишет, после которой придется переоценивать всю прежнюю литературу.

Я, тетя Груня, один стих про Василия написал. Раньше бы у себя зажал, в заглашник, а теперь, если хочешь, могу... Не возражаешь? Значит так...

Мальчишкой он любил собак и птиц,
И никогда не плакал он от боли,
И кто б его по жизни ни неволил,
Всегда он вырывался из границ.

Поняла, какие границы? Кто-то там решает, а ты должен существовать. Туда или туда. А я, к примеру, туда не желаю. И он не желает. Положили мы на их границы. Поняла?

Жизнь приготовила такие передраги —

Хоть волком вой, хоть в омут головой.
Другой ушел бы в вору иль бродяги,
А он тянулся и во сне домой.
Тут все понятно.
Во тьме кромешной снилися распадки,
Реки таежной гулкой пережат.
Там солнце рыжее с сосной играло в прятки
И освещало выводок опят.
Мне в этой восьмой палате тоже снилось...
Седой глухарь ронял перо тугое,
Закат кровавый крался по гольцам.
Еще приснилось зимовье в Верховье
И старенькая тозовка отца.

Остальное пока еще не придумал.

Он мне чего писал-то? – тихо сказала Аграфена Иннокентьевна. – Мама, только дом не продавайте. Вернусь, весь переберу по бревнышку. Ворота новые поставлю, забор сменим, огород насадим. Невесту найду. Заживем с тобой, как люди.

– Все правильно. Чего плакать-то?

Но Аграфена Иннокентьевна не плакала. Она с удивлением смотрела мимо Михаила на неслышно раскрывшуюся дверь. Михаил оглянулся – в дверях стоял Виталий.

– Виталию Михайловичу пламенный пионерский привет! Один ноль в мою пользу. Быть, говорю, того не может, чтобы родной братан не объявился по случаю досрочного возвращения. Хотя у некоторых тут были сомнения. Просто сведения до тебя не сразу дошли. Теперь дошли, и ты дошел. Извиняюсь, пришел.

– Кончай выступать! – хмуро буркнул Виталий и спросил у матери: – Где он?

– Ты чего уделал-то? – вместо ответа спросила мать, и её глаза заблестели слезами. – Если свои так-то будут делать, чего про чужих говорить? Где ему притулиться теперь, а?

Виталий молча прошел к столу и выложил большую пачку денег.

– Своих еще столько же приложил, – сказал он, глядя в сторону. – На первое обустройство в любом месте хватит. Еще останется. Здесь ему все равно не жить. Если не хочет, чтобы как с Иваном. Я, например, не хочу.

– Пожалел? – спросил появившийся в дверях Василий.

Виталий резко обернулся.

Василий спокойно прошел к столу, скинул с шеи на спинку стула мокрое полотенце и попросил: – Налей, мать, чайку. Молоко я того... Руки мокрые, не удержал...

– Так, может, это... – дернулся было Михаил, протянув руку к бутылке. Но тут же отдернул. – После баньки... За возвращение.

– Возвращаются, когда есть куда. А тут сходу деньги на обратную дорогу. Немало вроде?

– Не хватит, добавлю, – стараясь казаться спокойным, сказал Виталий.

– Чего стоишь? – не отводил от него глаз Василий. – Садись, старшой, поговорим маленько. Сколько мы с тобой не видались?

– Не считал, – сказал Виталий и сел. – Нормальный вариант предлагаю. Здесь тебя все равно достанут.

– С какого х...ра меня доставать будут? – делано удивился Василий. – Дом вот поправлю, бабенку какую-нибудь найдем, охотиться буду. Ни я никому, ни мне никто. Все чин чинарем. Правильно, мать?

– Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою, – тихо и непонятно к чему сказала Аграфена Иннокентьевна.

– А то у него получится «чин чинарем»! Такое тут нам всем наклепает, рады убежать, да поздно будет, – зло сказал Виталий.

– За себя или за меня труса давишь? – насмешливо спросил Василий.

Михаил, молча переводивший глаза с одного на другого, не выдержал: – Если насчет избу починить, я подмогну – делов-то. Она еще ничего. Крыша разве только...

– Крыша точно, крышу менять надо, – задумчиво сказал Василий и залпом выпил налитый матерью стакан чаю.

Не выдержав нависшего молчания, Виталий сорвался: – Насчет Ивана, поумней нас с тобой разбирались. Нет ничего! И причины никакой. Ваню самый последний гад уважал. Какая-то ошибка произошла.

– Ошибка? – вскинул голову Василий. Скулы его закаменели.

– Где-то что-то не так, а по Ивану хлестануло. Значит, судьба. Что теперь – всех под подозрение?

– Зачем всех-то? – тихо сказал Василий. Было заметно, что он с трудом сохраняет спокойствие. – Тебя со счетов надо скинуть. Или как?

Теперь закаменели скулы и у Виталия. Сразу стало заметно, не смотря на внешнюю непохожесть, их кровное родство. Мать угадала назревающий взрыв, подалась вперед, рот уже раскрыла, чтобы сказать, вмешаться, но старшой опередил её: – Не научили тебя, смотрю.

– Чему? – сквозь зубы спросил Василий.

– Сначала думать, потом рот разевать.

– Меня другому учили. Хоть раз перед паханом пасанешь, потом весь срок сапоги лизать будешь.

– Ты это к чему?

– Как все вы тут, на карачках ползать не буду.

Виталий опустил голову, сломанный силой ненависти, прозвучавшей в словах брата. Тихо и печально сказал: – Нет никаких концов. Нет.

– Я все говорить не хотела... – вмешалась вдруг в разговор братьев мать. Оба одновременно повернулись к ней. – Верхонку одну при нем так и не сыскали.

– Ну? – подался к ней Василий.

– Со старой куртке выкроила и пришила. Хорошо пришила. Так я потом этого просила, что приезжал... Следователя. Сыщи верхонку-то. Слушать не стал. Мне-то сразу в голову запало – как так? Одна пришитая, а другой нету.

– При чем тут верхонка? – с прежней усталостью в голосе сказал Виталий. – Зацепился где-нибудь – и все дела. Я им объясняю: – Да когда он так-то пил, чтобы не соображать ничего? И не слушают. Наследственное, говорят. Ему много не надо было. Объясняю – я же не пью. Смеются гады. Да чего с ними говорить – бесполезное дело. Пьяный был – и все. Так и списали.

– Я к чему вспомнила-то, – продолжала Аграфена Иннокентьевна. – Про верхонку. Они с Васькой, когда малыши были, играли все. Записок понапишут каких-то, планов понарисуют, в рукавицу или варежку сунут и спрячут, чтобы другой отыскивал. Большие уже были, а все друг другу записочки прячут.

– Мать, ты молоток! – сказал Василий. – Я тебя вот как уважаю! Теперь там каждую ветку... Землю рыть буду!

– Почему мне не сказала? – тихо спросил Виталий.

– У тебя семья. Райка давеча жалилась – не спишь по ночам. Чуть задремлет, говорит, стонет или криком кричит. А тебе еще девок своих поднимать.

– Правильно, мать, без него разберемся.

Василий взял бутылку и разлил водку по стаканам.

– Не пропадать добру. Сегодня отмечусь, с завтрашнего дня на прикол. Пока все концы не сыщу.

- Свой отыщешь, это точно, – хмуро сказал Виталий.
- Тьфу на тебя! – вскинулась мать. – Как язык-то повернулся!
- Самое главное – причину сыскать, – вмешался Тельминов. – Будет причина, будет и личина. Нормальная рифмочка. Найдем гада!
- Судьба это! Судьба! – сказал Виталий и одним глотком выпил водку. Поперхнулся, закашлялся. Отдышавшись, сказал: – Не пошла у нашей семьи жизнь. С отца не пошла. Так и идет с тех пор. Я тоже хожу, оглядываюсь. А! ... Мать тебе все расскажет. Пойду.
- Он тяжело поднялся и пошел к двери.
- Дом кому продал? – спросил Василий.
- Соседу. Юрке Бондарю.
- Сам или даванули?
- Не хочу, чтобы с тобой, как с Иваном. Уезжай! Тебе еще жить да жить.
- Договорились. Ты мне вот еще что скажи. С кем его в тот раз забрасывали? Кто в вертолете кроме него был?
- Никого не было. Вертолет на задание летал. Иван к ним случайно приткнулся.
- Какое задание?
- Аркадию на базу продукты забрасывали.
- А на базе кто был?
- Зарубин. Он говорит, Иван не выходил даже.
- И все?
- На Старый прииск еще вроде залетали.
- Зачем?
- Хрен их знает. Вертолет приисковые нанимали. Иван в последнюю минуту напросился. Даже за собаками не успел сбежать. Нет концов, Васька, нету. Были бы, сам карабин зарядил, не шел бы со следа.
- Если нет, чего за меня переживаешь? Чего выпиниваешь?
- Потому и выпиниваю, что нет концов. Начнешь дергаться туда-сюда, шуму понаделаешь, зацепишь кого не следует. А мужики у нас, сам знаешь, серьезные.
- Я тоже серьезный.
- Вот и получится всерьез, а не понарошку. Ладно, пошел. Сам думай. Я тебе больше не помощник. Даже не заходи. Райка к тебе, сам знаешь... Бойтся. Говорит, будешь приваживать или помогать, соберу манатки и к своим вместе с пацанками. А мне уже жизнь менять поздно.
- Он вышел.
- Василий посмотрел на стакан с водкой, который до сих пор держал в руках, и отставил его в сторону.
- Моя Катерина тоже мне ультиматум предъявляет, – сказал Михаил.
- Лично про тебя примерно в том же духе. Я ей дверь открыл, чемодан кинул – чеши, говорю, по холодку на все четыре. Я теперь со своей справкой любую бабу уговорю. Так она... Дверь открылась. На пороге стоял Виталий.
- С Зарубиным поговори. Был у него с Иваном разговор какой-то, когда на базу залетал. Кричали друг на друга. Зарубин говорит – ничего серьезного, так. А вертолетчик, механик, говорит, кричали. Роман Викентьевич, конечно, мужик хороший. Только чтобы Иван кричал, сам знаешь...
- Он пожал плечами и вышел.

* * *

Над тайгой опрокинулось переполненное звездами небо. Наконец-то наступила ночь. То на одном, то на другом конце поселка, заводя друг друга, заполошно влаивали собаки. Про-

трещал и захлебнулся за околицей мотоцикл. В домах, где еще не спали, телевизоры дружно сотрясались от очередного полицейского сериала: звучали выстрелы, кто-то истошно вопил, что-то взрывалось, выли сирены...

В летнике, во дворе у Зарубина, все еще горел свет. Отец Андрей, стоя в углу, беззвучно читал молитву и изредка крестился на небольшую привезенную с собой икону. Олег сидел за столом и что-то старательно срисовывал из большого альбома по древнерусской иконописи. Дверь летника была широко раскрыта в огород.

Олег то и дело поглядывал на спину молящегося отца Андрея и заметно томился необходимостью молчать. Наконец отец Андрей перекрестился с поклоном в последний раз и устало опустил на стоявшую рядом койку.

– Вы как хотите, Олег, а я на покой. Устал до полного оупения. Вам, я вижу, не терпится разговор наш продолжить, но вы уж простите меня, грешного, – не в состоянии.

– Без проблем, отец Андрей. Одна дорога чего стоит. Я когда сюда добирался, думал – все, не выбраться мне теперь отсюда до конца дней моих.

Вы раздевайтесь, раздевайтесь. Я сейчас закругляюсь и тоже на боковую.

Отец Андрей снял рясу, аккуратно повесил её на спинку кровати. Олег отложил в сторону свой рисунок.

– Буду лежать и размышлять, как вы меня сегодня «приложили». Можно сказать, со всего размаху. Я уже хотел манатки собирать.

Отец Андрей, снявший штаны и собравшийся было нырнуть под одеяло, замер.

– Надеюсь, раздумали?

– Со своей точки зрения, вы, конечно, безусловно и стопроцентно. Только здесь сейчас не доброта нужна.

– Доброта нужна всегда.

– А вот увидите и поймете.

Послышались чьи-то тяжелые шаги. Олег испуганно посмотрел на раскрытую дверь. Сначала в дверях появился Кармак, затем вошел Зарубин. В одной руке он держал бутылку и три стакана, в другой – охотничье ружье и патронташ.

– Что, уже? – тихо спросил Олег и оглянулся на отца Андрея.

– Не уже, а уже, – невразумительно ответил Зарубин, сел за стол и разлил вино по стаканам. – Вино настоящее, не крепленое, друзья из Абхазии с оказией прислали. Ощущаете запах? Хмель никакой, а сны будут сниться веселые и светлые. Так создатели этого вина говорят. Мне, правда, все равно не помогает – ни хмеля, ни светлых снов. Но аромат вкушаю сполна. Запахи, говорят, самый лучший стимулятор воспоминаний. А хорошими воспоминаниями надо дорожить.

Вообще-то, я к вам по делу. Вино – это так, для контраста с реальной действительностью. Ну... Пить не неволю, а пригубить советую.

– Если действительно сны светлые обещаете... – улыбнулся отец Андрей.

Олег с торопливой готовностью передал ему стакан с вином.

– На хорошее не загадываю, о плохом думать не хочу, – сказал Зарубин, поднимая стакан.

Злобное рычание Кармака задержало поднесенные к губам стаканы. Все, как по команде, оглянулись на дверь, открытую в ночь. Пес поднялся, готовый кинуться в темноту, но Зарубин придержал его за ошейник: – Сидеть!

Олег сорвал с гвоздя ружье, переломил, проверяя, на месте ли патроны, снял с предохранителя и поставил рядом под руку, у стены.

Кто-то шел к ним через ночную темноту огорода. Сначала в полосе света обозначилось белое пятно рубахи, через несколько секунд на пороге остановился Василий.

– Здорово, – сказал он, пытаясь улыбнуться.

Был он крепко на взводе, но смотрел с пронзительной пристальностью человека, твердо знающего, что он сделает в следующую минуту.

– Заходи, – не сразу отозвался Зарубин и погладил заворчавшего Кармака.

– Хороший кобель, – сказал Василий. – А у меня Гамма. Была. Такая сучонка умная, по глазам все понимала. Мать говорит, отравили. Выместили сволочи! Собака-то в чем виноватая?

Василий вошел и тяжело сел на кровать рядом с отцом Андреем.

– Угощаете или через одного? – спросил он.

Зарубин протянул свой стакан Василию.

– Перебора не будет?

– Мой перебор до завтрашнего утра. Развязал маленько, чтобы от вольной жизни сразу не задохнуться. Что, другого стакана, что ль, нет?

– А я из горла, – серьезно отозвался Зарубин. – На правах хозяина. Насчет вольной жизни – согласен. Её сейчас лучше мелкими глотками потреблять.

– Осторожно или поменьше? – заинтересовался Василий.

– И осторожно, и поменьше. Чтобы не захлебнуться большими возможностями.

– Точно, возможностей сейчас по горло, – Василий одним глотком выпил вино. – Несе-резный напиток, – сказал он, посмотрев на дно стакана. – Баловство. Церковное? – спросил он у отца Андрея.

– Самое что ни на есть мирское, – улыбнувшись, сказал тот и сделал глоток, пробуя.

– Действительно – аромат.

– Ароматов у них там хватает, – сказал Василий, поглядев на бутылку. – Не знаешь, то ли нюхать, то ли блевать бежать. Особенно, когда фугас метрах в пяти и кишки на деревьях.

– Все у тебя? – тихо спросил Зарубин.

– Начать и кончить, – сказал Василий неожиданно трезвым голосом. – Поговорить надо.

– Надо, – согласился Зарубин. – Даже очень. Только в абсолютно трезвом виде.

– Это у меня камуфляж... – Василий правой рукой очертил свою фигуру. – Для тех, кто меня на халяву взять рассчитывает. Насчет соображать – в полном порядке, не сомневайся. Так, расслабился слегка... Причин много.

– У меня их тоже не меньше. И тоже сейчас не в форме. Поэтому говорить будем поутрянке, без соплей и перегара. На полном серьезе. От этого разговора у нас с тобой вся дальнейшая жизнь обозначится.

Желваки на скулах Василия закаменели. Он долго молчал, сжимая и разжимая кулаки, наконец выдавил: – Не держал бы я тебя, Роман Викентьевич, за настоящего мужика, другой бы разговор у нас получился. За мать большая тебе благодарность. Пойду... – Он встал. – Только один вопросик все равно имеется. Чтобы душа в норму, а то заснуть не смогу... Кричали, говорят, вы с Иваном друг на друга. В последний раз когда... Чтобы Иван закричал на кого, много надо было. Очень много.

– Был у нас разговор, – помолчав, сказал Зарубин. – Можно считать, действительно последний. Только безо всякого крика. Карту он у меня на Дальний участок просил. Вертолет не глушили, слышно плохо, со стороны могло показаться, что кричали. Как я соображаю, тебе такую полуправдивую информацию со смыслом подсунули.

– Дал?

– Карту? Нет.

– Пожалел, что ль?

– Об этом завтра. Разговор долгий.

– До завтра еще дожить надо, – не согласился Василий. – Здесь как? Закон – тайга, прокурор – медведь. А Бог у нас еще не каждому помогает. Видать, на всех силенок не хватает. Или

нагрешили на сто лет вперед. Так, гражданин священник? – повернулся он к отцу Андрею. – Вот и приходится теперь самим управляться.

– Как мы о Боге, так и он о нас, – не выдержав, вмешался в разговор Олег.

– Дьякон, что ль? – покосился на него Василий.

– Кому дьякон, кому пономарь, кому Олег Викторович.

– Понятно, – согласился Василий. – Ты, Олег Викторович, знаешь хоть, с какого конца оно заряжается? – Он кивнул в сторону стоявшего под рукой у Олега ружья. – Отодвинь подальше, а то, неровен хрен, пальнешь с перепугу не в ту сторону.

Олег дернулся было ответить позабористее, но Зарубин положил руку ему на плечо и слегка прижал к скамье: сиди, мол.

В это время Кармак снова заворчал, но не зло, как прежде, а словно давая знать, что подходит кто-то знакомый. Зарубин торопливо поднялся с явным желанием выйти навстречу и предупредить чье-то нежелательное появление, но женский голос, раздавшийся из темноты, остановил его.

– Мужик нынче пошел – ни встретить, ни пригласить... Приходится слабому полу самостоятельно инициативу проявлять. Крапиву бы повыдернули, хозяйева, обстрекалась вся...

Из темноты возникла Надежда Домнич. В блестящем нарядном облегающем праздничном платье она настолько не совпадала с окружающей обстановкой, что человеку, не знакомому со здешними людьми и обстоятельствами, появление её в таком месте, таком виде, да еще в такое неурочное время, могло показаться не только неожиданным и экзотичным, но и несуразным, поскольку подыскать ему какое-нибудь подходящее объяснение так вот сразу было весьма затруднительно.

Отец Андрей торопливо накрыл свои голые ноги одеялом, Олег поставил на стол так и не пригубленный стакан с вином и даже отодвинул его от себя, словно взял по ошибке. Василий прищуренными злыми глазами уставился на сверкающее чудо, не то не узнавая, не то не решаясь узнать. Зарубин неловко застыл посередине комнаты, придерживая за ошейник потянувшегося к Надежде Кармака.

– Ого, сколько вас тут, – приглядевшись после темноты, сказала Надежда. – Один одного лучше. Может, пригласите одинокую и пока еще симпатичную женщину в свою компанию?

Она перешагнула порог и остановилась перед Зарубиным.

– Ну что, заходить или уходить?

– А мы не ждали вас, а вы приперлися, – не утерпел Василий, кажется, окончательно разобравшийся, кто пожаловал.

– Про себя, что ль, Васенька? – не спустила Надежда и уверенно уселась на скамейку рядом с Олегом, который неловко подвинулся и чуть не уронил ружье.

– Обо мне пускай теперь твой мужик частушки исполняет, – хмуро огрызнулся Василий.

– Так они с Чикиным уже во всю их распевают, – с готовностью продолжила пикировку Надежда. – Мой – чтобы твоего духу в ближайшее время тут не было, Чикин – будет сделано, к исполнению принял.

– Пусть попробуют, – с затаенной угрозой сказал Василий.

– А наш Чикин, Васенька, пробовать не любит. Забыл, что ли? У нас, у ментов, как? Сначала сделаем, потом думать начинаем.

Зарубину, завязавшийся между неожиданно заявившимися гостями разговор, судя по всему, был неприятен.

– Значит так, – сказал он, забирая у Надежды стакан с вином, который она уже поднесла ко рту. – Отец Андрей ночь не спал, да еще дорога наша, сами знаете...

– Так вы, значит, поп наш будете? Ой, как интересно! Такой еще молодой, красивый. Бабоньки наши со своими грехами теперь к вам очередь занимать будут. Чур, я первая. У меня

грехов – за ночь не перескажешь. Как считаете, простит меня Господь или еще хуже накажет? – ерничала Надежда, глядя почему-то не на отца Андрея, а на Зарубина.

– А то он тебя не наказал, – не выдержал Василий.

– Тебе, Васенька, домой лучше по берегу подаваться. Или задами. Слух был, у магазина тебя старые знакомые дожидаются. Бондарь уже всем собакам рассказал, что ты к его бабе полез. Быстро ты огляделся. Оголодал, видать. Так у нас в поселке одиноких баб девать некуда. Любаша, правда, ничего не скажешь, при достоинствах, есть за что подержаться. Грубая только. Моего так «приложила» – месяц согнувшись ходил. Я не выдержала, поинтересовалась: «Чего ж она так-то? Не удовлетворил, что ль?» Молчит, морду воротит.

– Неплохая ты девка была, а такой сукой стала! – сорвался Василий.

– Ты со мной еще в баньке не мылся, чтобы такие выводы делать, – все еще улыбалась Надежда. – И не придется, не надейся. Я вот все Романа Викентьевича соблазнить пытаюсь, а он никак. Предпочитает гордое одиночество.

– Мотай отсюда! – сказал Василий.

Надежда, прищурившись и не переставая улыбаться, смотрела на него снизу вверх.

– А помнишь, Вася, как мы с тобой на выпускном вальс танцевали? Потом ты меня на речку уговаривал, в лодке посидеть. Так и не вспомню, сидели мы тогда, нет? Вроде не получилось ничего.

Она с нарочитой веселостью рассмеялась, и Василий, не выдержав, круто повернулся и вышел.

– Пойдем, – сказал Зарубин Надежде.

Она медленно поднялась и протянула руку хозяину. Только сейчас стало заметно, что она сильно пьяна.

– Веди меня, я вся твоя...

– Мужики, не спите, – сказал Зарубин. – Вернусь – договорим.

– Спите спокойно, – помахала рукой Надежда. – До утра не отпущу.

Зарубин перехватил её руку и вывел из летника.

– Еще больше удивитесь, – сказал Олег вопросительно смотрящему на него отцу Андрею. – Капитан районного отделения милиции, жена директора коопзверпромхоза, вдобавок ко всему любимая и единственная дочка бывшего начальника коопзверпромхоза Шабалина. Помните, мы его, выходя из церкви, повстречали? Делает вид, что влюблена в Романа Викентьевича, а, по-моему, они её специально засылают – разузнать, что и когда.

– «Они» – это кто?

– Сразу не сформулируешь. Но по моему разумению – все зло, которое здесь копилось годами... Даже, десятилетиями.

– А «когда» – это насчет чего?

– Боюсь, что не «когда», а «уже».

И взяв в руки ружье, он любовно провел по его стволам ладонью.

* * *

Не выпуская руки своей спутницы, Зарубин провел её по тропинке сквозь густую поросль неразличимых в темноте кустов, толкнул ногой калитку в ограде, отделявшей просторный двор от огорода, пошел было через двор к дому. Свет от единственного освещенного окна отчетливо высветил их почти невидные до сих пор в темноте фигуры. Надежда, которая до этого покорно шла рядом, неожиданно остановилась.

– В дом не пойду, – прошептала она. – Даже не мечтай. Это во мне злость и хмель... Наговорила там, самой противно.

– На кого злость? – тоже остановился Зарубин.

– На всех. Мой под видом пьянки целое совещание срочно собрал. Первым делом как Василия устранить...

– Именно «устранить»?

– Именно. А потом про тебя...

– Я-то с какого боку? – делано удивился Зарубин.

– Непонятный ты для них человек. До сих пор непонятный. После того, что с вами случилось, ни к кому за помощью не пошел. Даже в милицию не обратился. Попа зачем-то пригласил.

– Какая церковь без батюшки?

– Кто его знает, батюшка он или еще кто?

– Пуганая ворона куста боится.

– Да нет, Рома, их так просто не напугаешь. Думаю, кто-то сигнал им дал. Мой предлагает из города «крутых» на разборку звать, а батя ни в какую. Не таких, говорит, ломали, сами управимся.

– С кем?

– Они, похоже, сами еще не знают. А тут Шевчук прибежал, докладывает: – Васька к Роману пошел. Они, как услышали, вовсе сдурели. Представляешь? Муж и отец родной к любовнику посылают. Ну, думаю... – А что, говорю, и пойду. Коньяку стакан хватанула и ручкой помахала: – До утра не ждите.

– Какие мы любовники? Доиграешься ты, Надежда.

– Так это они так считают. Что до меня – я хоть сейчас, сам знаешь. Ты ведь не против?

Она вдруг прикинула к нему всем телом, обхватила руками.

У одного из темных окон, выходящих во двор, стояла Маша. Ей хорошо были видны две обнявшиеся фигуры. Она всхлипнула и закрыла лицо руками.

* * *

Через огороды Василий вышел к реке, серебрившейся от выбравшейся из-за сопок луны. Остановился посреди луговины.

Было тихо и чисто вокруг. Чуть слышно плескалась о пологий галечный берег вода, пахло сырой травой и дымом костра, далеко-далеко тарахтела моторка, ныли комары. И вдруг впервые за все последние после освобождения дни Василий почувствовал себя по-настоящему свободным. Можно было лечь на траву, раскинуть руки и лежать неподвижно до самого утра, глядя в небо и ни о чем не думая. Он глубоко вдохнул холодеющий ночной воздух, неторопливо намотал на руку широкий ремень с тяжелой солдатской пряжкой и быстрыми решительными шагами пошел в поселок.

Плохо освещенная редкими фонарями, длинная, с деревянными тротуарами улица, начинаясь у маленькой площади с памятником Ленина, уходила в темноту. В этот час на ней не было ни души.

Василий неторопливо шел по деревянному тротуару. Гулкие шаги еще больше подчеркивали его одиночество и настороженную окрестную тишину.

Он заранее наметил несколько мест, где его могли поджидать. Если, конечно, Надежда всерьез раскололась.

«Зачем ей, спрашивается, придумывать? А зачем предупреждать? Мечется бабенка – всегда шальная была. Никто ни в чем никогда не отказывал».

Первое место, которое он наметил – высокое, покосившееся крыльцо почты.

«Трое-четверо за ним запросто, если пригнутся. Остальные могут с той стороны подбежать. Вроде шевельнулся кто-то... Ну, Надька, проверим сейчас – окончательно ты или нет?»

Меньше пяти они вряд ли рискнут. Выйти на середку – окружат. Преимуществ им лучше не давать».

Он уже подходил к крыльцу. Ухватился за перила и махом легко перекинул тело сразу на верхнюю ступеньку. Метнулся к противоположной стороне, заглянул вниз. Никого! Спустился с крыльца, пошел дальше.

«Тогда у магазина. Там за воротами целая рота укроется. Ворота не заперты. Значит, там!»

Поравнялся с воротами и резким ударом ноги распахнул одну их половину, почти одновременно что было сил толкнул рукой вторую. Ворота с грохотом распахнулись до упора, но за ними никого не было.

«Так... Прикупила Надеха. На испуг брали. Чтобы задумался. Спешат. А если спешат, значит, боятся. Боятся, значит, есть чего. Есть – отыщу. Из-под земли вырою».

Почти не опасаясь, пошел дальше. До дома уже недалеко. С одной стороны – глухие заборы, с другой – болотистая поскотина, за которой снова заборы. А там и дом.

На поскотине они и поджидали. Сразу всей толпой кинулись, окружая полукругом.

«Пятеро! Уважают! Ага, еще один! Крепко уважают. Ну что, посмотрим, мужички, что вы умеете!»

Он спокойно стоял на месте, повернувшись спиной к забору и внимательно оценивал расстояние до каждого нападавшего. Было заметно, что они заранее распределили роли.

«Распределились, козлы. Тем лучшей. Я им сейчас разом козыря перепутаю. А самостоятельно соображать кодла никогда не умела. Начнут суетиться, что и требуется. Ну, кто первый?»

Первый, как, очевидно, и было между ними сговорено, метнулся в ноги.

«На дурака!» – успел подумать Василий и, чуть откатнувшись, сильным и резким ударом носка тяжелого ботинка поймал скулу кинувшегося.

«Этот надолго успокоился». – И коротким ударом обмотанной ремнем правой руки достал слишком близко сунувшегося долговязого неловкого парня. Тот, хрюкнув, согнулся пополам и присел на корточки. Можно было бы тоже ногой добавить, чтобы больше не возникло, но заходивший легким крадущимся шагом слева, явно требовал усиленного внимания. В руке у него что-то блеснуло.

Еще можно было убежать: нападавшие, заходя с двух сторон, открыли центр. Там только этот на карачках сидел, блевать собрался. Перепрыгнуть его – и на поскотину, ловите хоть до утра.

«Не получится, мужики», – продолжал он свой внутренний монолог. «Если я с первого разу слабину дам, вы потом в наглянку попрете. Я здесь для того, чтобы вы меня боялись, а не я вас. Так и запишем. Придется теперь дорогого старлея Бровина вспомнить. Приемчики для дураков, какие они и есть. Кроме того, слева. Тот посерьезней. Вроде на Степку Добрецова смахивает. Поглядим. Не забывай о нем, Васька, не забывай!»

Он прыгнул к тем двоим, что заходили справа, увернулся от прямого удара в лицо, перехватил занесенную руку с цепью, легко заломил её и, приподняв обвисшее тело, отшвырнул его под ноги тому, который был слева. В это время тот, от удара которого он отклонился, достал – левую скулу обожгло.

«Тоже, гад, не пустыми ручками размахивает. Уважают! Ну, сейчас я тебя приложу...»

Он согнулся, сделав вид, что удар серьезней, чем на самом деле, и когда нападавший раскрылся в развороте для нового удара, в прыжке точно попал каблуком в колено.

«Теперь пора о том, что слева думать. Где он? Ага, уже сзади. Если бы я не прыгнул, он бы меня уже подколол. Руку уже заносил. Теперь мы с тобой «тет-а-тет», как говорил старлей. Куда, пидор, пятишься? Мне тебя чуть поближе надо».

И вот тут он дал маху. Шестой, который в сторонке, в тени где-то держался, труса из себя разыгрывал, непонятно, как рядом оказался. Удар железным прутом пришлось бы по голове, не дернись он в последние полсекунды, Бог знает как угадав почти неслышное движение позади себя. Но плечу досталось так, что левая сразу онемела – не поднять, а в глазах от боли на раз-два-три – круги поплыли.

«Водочка, Вася, водочка...» – сказал он себе, в падении едва увернувшись от повторного удара.

В это время тот, что был слева, замахнулся ногой в лицо. Блок одной рукой – «несерьезно, но придется еще покататься по травке. А теперь – вот так...».

Подсечка получилась коронная.

«Молодец, старлей, не жалел времени, ни своего, ни моего. Вслепую учились, на звук. Теперь ты покатайся, а мне пора».

Но подняться не успел. Один на ноги навалился, а тот, который с прутом, – на горло. Прутом на горло! Хорошо руку успел подставить. Левую. А она еще почти в отрубке.

«Ничего, мужики, ничего... Силенки у вас не на мой размер. Сейчас на бок... и я вам устрою классику... Придется кое-что посерьезней, раз вы так. Только бы тот гаденыш с ножичком не приполз. Надо было ему повыше подсечку... Приготовились... Ра-аз!»

Ослепительный свет, скрип тормозов, чей-то неразборчивый крик, торопливые убегающие шаги, черные тени, растворяющиеся в темноте. Но того, с прутом, он придержал. Когда ноги освободились – делать нечего: сначала в замок, потом через себя. Хрястнуло на совесть.

«Не меньше чем на час мужик вырубился. С последующим обязательным лечением. Теперь на помощников можно поглядеть. Никак мусора приступили к исполнению служебных обязанностей? Черт, свет... Ни хрена не видать. Могли бы и не объявляться, сам уже справился».

Но это была не милиция. Из потрепанного местными дорогами «уазика» вышел незнакомый человек и с интересом оглядывал Василия, все еще жмурящегося на свет фар.

– Интересуюсь, кому помог? Им или тебе?

– У нас приучены в чужую драку не лезть, – прохрипел еще не отдышавшимся горлом Василий.

– Не люблю, когда пятеро на одного, – не согласился человек.

– Шестеро.

– Не по-мужски.

– По-мужски у нас только водку хлещут. Все остальное – по-волчьи.

– Это как?

– Стаей, сзади, из-за угла.

– Волков обижаешь. Волк – животное по-своему даже благородная. Тебя что, не предупредили?

– О чем?

– Василий? Боковиков?

– Ну.

– Должны были предупредить.

– Не понял, – угрюмо сказал Василий.

– Хочется?

– Что?

– Понять.

– Не откажусь.

– Тогда садись, прокатимся.

– Куда?

– К хорошему человеку.

– Есть, что ль, такие?
– Кому как повезет.
– Это как?
– Один в людях хорошее видит, другой – плохое. Кому как повезет. Ну что, едем? На сене поспим, в реке искупаемся, утром – назад. На сене давно спал?
Василий молча подошел к машине, открыл дверку и сел на переднее сиденье. Человек зашел с другой стороны, сел за руль.
«Уазик» задом докатился до памятника, объехал его и погас в темном конце улицы, выезжая из поселка.

* * *

Когда Зарубин вошел в летник, отец Андрей лежал на койке, отвернувшись к стене и закрыв глаза. Олег по-прежнему сидел за столом и расставлял перед собой ровным рядом вынутые из патронташа патроны.

– Спит? – шепотом спросил Зарубин.
– Ждал. Потом даже я поверил.
– Чему?
– Что до утра.
– Не понял ты ничего.
– Что видел, то и понял. Мутная ситуация.
– Хочет помочь.
– Зачем?
– Вопрос сложный. Честно говоря, сам еще не разобрался.
– Не пойдет она против своих. Вот увидите.
– Увижу, конечно. А может, и не увижу.
– Не понял. Вы про что?
– Про то.
– Начинаем?
– Не боишься? Подумай, пока не поздно.
– Да вы что, Роман Викентьевич! Да я за вас за Машу... Даже не думайте. Зубами грызть буду.
– Не надо зубами. Тебе вообще ничем не надо. Это дело целиком и полностью мое.
– Не понял.
– А тебе – самое важное в настоящий момент. Считаю, свою жизнь тебе вручаю. Даже больше. И чтобы ни одна душа.
– Совсем ни одна?
– Совсем.
– Когда? Что?
– Как только светать начнет. Казанка на острове. Там все, что надо. До острова вплавь – лодку могут увидеть. Машу по дороге подхватишь. Скажу где. Спуститесь без мотора до Убиенки. Озеро пройдешь под самыми скалами. На всякий случай – лучше ночью. Хотя там сейчас никого быть не должно. Казанку спрячешь в устье и выйдешь на хребтик со стороны соседнего района. Там вас будут ждать.
– «Вас» – это меня и...
– Машу. Она все знает, готова, ждет. Надеюсь, понимаешь, если узнают, где она...
– Понимаю. Кто будет ждать?
– Друг. Он вас отведет на заимку, о которой никто не знает.
– А вы?

– Если все пойдет как надо, приду за вами. Там у нас рация... На связь выходить в самом крайнем случае. Если будет совсем плохо, Никита знает, что делать.

– Никита?

– Да, друг. Твоя обязанность, чтобы даже догадок с их стороны не было. Искать её будут крепко. Тем самым себя проявят. Это уже мои дела.

– Мне бы лучше с вами... Нет, надо, так надо.

– Вот еще что... Маша... Не возражает, но что-то не то. По глазам вижу. По-моему, она сама хочет. Понимаешь? Сама... Отомстить. Не оставляй одну ни на секунду. Карабин забери себе. Успокаивай, что все будет хорошо. В крайнем случае – держи силой. Все. Через два часа выходим.

– А он как же? – Олег посмотрел на спящего отца Андрея.

– Просчитался я маленько. Надо его было сразу к Зинаиде. Тут ему нельзя – сам понимаешь. Проснется – извинюсь. Пока они будут считать, что Маша здесь – мой дом самое опасное место в области. Крестом здесь не защитишься.

Отец Андрей по-прежнему лежал неподвижно, отвернувшись к стене. Но глаза у него были открыты, и он слышал каждое слово этого тихого разговора.

* * *

Проснулся Василий поздно и некоторое время лежал неподвижно, глядя на приоткрытую дверь сеновала, за которой была видна часть заросшего муравой двора. За оградой расклевывающиеся ветви притулившейся к человеческому жилью лиственницы и тусклая рябь реки подсказали ветреное утро и возможное скорое ненастье.

Во дворе слышались невнятные голоса невидимых собеседников. Неожиданно заплакал ребенок. Василий озадаченно приподнялся, прислушиваясь. По его разумению, ребенка в этом месте никак быть не должно. Он перекатился с разостланной на медвежьей шкуре чистой простыни на сено и неслышно соскользнул вниз. Брюки висели рядом с развешенной на крючьях лошадиной сбруей, выстиранная рубашка распята на крестовине из двух жердей. Василий торопливо оделся и, не надевая ботинок, выглянул из сарая.

Мужиков он узнал сразу – вчерашний знакомец, назвавшийся Родионом Ермаковым, и Егор Рудых, хозяин здешней давно заброшенной деревни, в которой он проживал в единственном числе уже бог знает сколько лет. Доверие и даже интерес к человеку, который сманул его сюда после драки, появились у Василия, как только он узнал, к какому «хорошему человеку» они направляются. А вот пацан лет четырех, который стоял перед присевшими на корточки здоровенными мужиками и отчаянно ревел, размазывая по щекам слезы и сопли, был явной непонятностью, которая могла помешать отложенному на утро серьезному разговору.

Василий, с наслаждением ступая по траве босыми ногами, вдруг легко перекувырнулся через голову и, став на руки, направился к не сразу его заметившей мужской компании. Рев, как по команде, прекратился. Василий, сделав сначала мост, выпрямился и, показав пацану язык, тоже присел перед ним на корточки.

– Чего не поделили? – спросил он всех сразу.

– Не желает умываться, – объяснил Ермаков.

– Понятно. А мы с ним купаться пойдём. Пойдём?

– Пойдём, – согласился пацан. – А ты кто?

– Герой России. А ты кто?

– Сашка.

– Залазь, Сашка, на спину. Пойдем воду греть.

– Чем греть? – спросил Сашка, забираясь на шею Василия.

– Сначала ногами, потом пузом, – объяснил Василий и направился к воротам.

– Ты там, герой, мужика мне, смотри, не утопи, – хмуро сказал Егор Рудых. – А то меня Татьяна со свету сживет.

– Понятно, – согласился Василий. – Я Татьяны тоже ужас как боюсь. Шибко злая? – спросил он расплывшегося в блаженной улыбке Сашку.

– Не, мамка хорошая.

– А она нас не завернет?

– Она в больнице, сестренку мне рождает.

– Понятно, – с облегчением вздохнул Василий и побежал к реке.

– Уверен? – спросил Ермаков, выпрямляясь.

– Васька-то? Шебутной, конечно, но лучше не сыскать, даже не думай.

– Я к тому, что дело больно серьезное.

– Без серьеза Героями России не становятся.

– Так то там, а то здесь.

– Не боись, здесь, может, еще почище придется. Видал, как они вскинулись? А он еще пальцем не шевелил, приехал только.

– Кое-чем он уже пошевелил. Думаю, сегодня в больнице несколько бюллетеней точно выпишут. Надо бы поинтересоваться – кому?

– Бандит нынче хлипкий пошел, чуть что – в больницу. Скоро там коек не хватит.

– А вот это пока ни к чему, – задумчиво сказал Ермаков. – Рановато еще.

Ваше мнение, Егор Егорович?

– По мне – в самый раз. Куда тянуть-то?

* * *

«Казанка» с Олегом и Машей медленно шла против течения небольшой, но своенравной таежной реки. Олег сидел на моторе, который чуть слышно урчал на малых оборотах, и внимательно следил за частыми поворотами, мелями, плывущим навстречу всяческим таежным сором – сломанными ветвями, бревнами, а то и целыми торфяными островками, сорванными с места еще по большой весенней воде и до сих пор то бесприютно притыкающимися к берегу, то медленно кружащими над бочагами. Маша в накомарнике и мужской егерской «спецуре», напряженно выпрямившись, неподвижно сидела на дне лодки, среди тяжелых рюкзаков и держала на коленях карабин, который, несмотря ни на какие уговоры, категорически отказалась отдать Олегу. За всю дорогу она не произнесла еще ни одного слова и так же внимательно, как Олег, смотрела вперед.

Перед очередным перекатом Олег заглушил мотор и, выпрыгнув из лодки, по пояс в воде повел её бечевой, чуть приспустив к крутому берегу, где было поглубже. Маша поднялась и, взяв весло, сноровисто отталкивалась от острых камней.

Миновав перекаат, они пристали к берегу в тихой заводи. Олег привязал лодку к огромной коряге и тихо сказал: – Маленько передохнем – и дальше. Есть хочешь?

Маша молча покачала головой.

Олег растянулся на песке и закрыл глаза.

– Я её ненавижу, – вдруг услышал он голос Маши. – Она подлая и хитрая.

Олег вздрогнул, открыл глаза, сел. Испуганно посмотрел на Машу. Она сидела к нему спиной. Он не сразу догадался, о ком речь, но спросить так и не решился. Когда понял, хмыкнул:

– Вообще-то, у меня мнение аналогичное. Роман Викентьевич, насколько я знаю, иллюзий тоже не питает. Ты отца за сохатого не держи. Другая порода.

– Какая? – повернулась к нему Маша.

Сетка её накомарника была приподнята, и Олег увидел огромные, полные слез глаза.

- Ну... Если по-честному – наверное, тигр. Или что-то вроде того.
- Значит, я тоже?
- Что?
- Ничего, – очень тихо сказала Маша и опустила сетку накомарника.

* * *

Василий с Сашкой еще плескались в реке, когда во дворе сразу с трех сторон появились трое. Один, держа на локте полусогнутой руки карабин, вошел в ворота. Второй, легко перемахнув через заплот, сделал несколько шагов и остановился у сарая, выпростав из-под полы куртки обрез. Третий неслышно возник из-за дома и прислонился к его стене. Ермаков угадал его присутствие по взгляду, который кинул в ту сторону подходявший от ворот.

Были все трое давно небриты, темны от загара и грязи, одежда от долгой жизни в тайге и полного к ней невнимания выглядела полным рваньем, но на самом деле была удобна, не стесняла движений, а в серой полутьме таежной чащи скрывала обладателей не хуже любого камуфляжа.

– Вот, Егор, и свиделись, – прохрипел подходявший от ворот и чуть повел карабином в сторону Ермакова, словно приказывая тому оставаться на месте. Был он постарше, покрупнее своих подельников и, судя по всему, верховодил в их группе. Со старым, перепоясанным солдатским ремнем пиджаком, и грязными до потери цвета адидасовскими штанами забавно контрастировала почти новая зеленая шляпа, какие были в моде лет сорок назад.

– Хоть ты мне дорожку к себе строго-настрого заказал, да только по нужде и посеред улицы сядешь. В дом пойдем или здесь побалакаем?

– Зачем дом поганить? – сказал Егор Рудых и сплюнул прямо под ноги подходявшему. – Стой, где стоишь, а то до беды недалеко.

Лицо вожака перекосила недобрая ухмылка.

– Как там в народе говорят? Не плюй в колодец, как бы не свалиться. Прав ты, Егор, рядышком беда-то. Может, еще век проживешь, а может, раз – и ваши не пляшут. Внучок твой там купается, жизни радуется. А речка, она у нас коварная – нырнул и не вынырнул. Ищи потом виноватого.

Рудых потемнел лицом, сжал огромные кулаки и, проглотив комок в горле, спросил: – Чего надо?

– Надо о гостях твоих побалакать. Живешь, как бирюк, близко никого не пускаешь. А тут гостей полон двор. Да гости-то все непростые. Интересные гости. Особенно вот этим интересуемся.

Он круто повернулся к Ермакову, и дуло карабина уткнулось тому в горло.

– Что, следак, думаешь, не узнал? Да я тебя на том свете без собак сыщу, по одному запаху твоему ментовскому. Чего лыбишься? Егор не скажет, ты у меня запоешь. Не хуже кедровки трещать будешь.

– Дурак ты, Пехтерь, – спокойно сказал Ермаков, отстраняя от себя ствол. – Живете спокойно, пиратствуете помаленьку, золотишко моете, шкурки в заначке наверняка имеются. А случись что со мной, вас из-под земли выковырнут и на сучках развесят. Думаешь, норы ваши не знаем? Все как одна на карте помечены. Не веришь, могу показать. Давай лучше спокойно поговорим. Из-за меня вы бы на рожон к Егор Егорычу не полезли. Себе дороже. Так? Выкладывай, какое шило в задницу укололо?

* * *

Поднимая на мелкоте фонтаны брызг, Василий делал вид, что убегает от визжавшего от восторга Сашки. Он не смотрел на берег, но давно уже заметил, что около его одежды с ружьем на коленях сидит незнакомый человек и явно дожидается, когда он обратит на него внимание. Наконец он увидел то, что нужно – круглый, тяжелый, удобный для руки камень. Упав с размаху в воду, он сжал камень в руке и, дождавшись, когда Сашка, запнувшись о его ногу, плюхнулся в воду, резко выпрямился и почти неразличимым от быстроты замахом метнул камень в сидящего человека. Тот без звука опрокинулся навзничь.

Василий подбежал к лежавшему, схватил ружье, проверил заряд, вернулся, схватил Сашку под мышку и, пригибаясь, побежал к заплоту. Сашка от неожиданности пока молчал, но в любую минуту мог поднять крик. Очень кстати неподалеку оказалась перевернутая старая лодка.

– В прятки любишь играть? – тихо спросил он пацана.

– Люблю. А деда не любит. Он кого хочешь отыщет. Ему без интересу.

– Я тебя сейчас так спрячу, он ни за что не отыщет.

– Отыщет.

– Спорим?

– Спорим.

– Я вот лодку приподниму, лезь под неё и лежи не дыши. Он же не догадается, как ты под неё попал. Вон она какая тяжелая... Лезь. А когда не найдет, мы у него что хочешь в награду потребуем.

– Ружье.

– Ружье, так ружье. Сиди тихо, он сейчас придет, искать будет.

Сашка затих под лодкой, а Василий, низко пригибаясь, а где и ползком, обежал открытое пространство и, выглянув из-за лиственницы, оглядел двор. Уяснив расположение незваных гостей, он добежал до сарая, закинул ружье на спину и, приставив к стене тяжелое бревно, почти забежал по нему на крытую потемневшими от времени досками крышу. Бесшумно поднялся по ним до верха, выглянул. Тот, что с обрезом, стоял почти под ним, стараясь не упустить ни слова из разговора Ермакова с Пехтерем. Прятавшийся у стены дома тоже вытянул шею, прислушиваясь. Прямо над его головой висело на гвозде старое цинковое корыто.

Василий, почти не целясь, выстрелил в корыто, с грохотом упавшее тому на голову, и тут же, спрыгнув с крыши, обрушился сверху на так ничего и не понявшего мужика с обрезом. В то же самое мгновение тяжелый кулак Егора Рудых надолго вывел из строя Пехтера. На лету подхватив вылетевший из его рук карабин, Ермаков подскочил к оглушенному внезапностью происходящего и упавшим на голову корытом пирату. Тот повернулся и, расставив ноги, торопливо оперся руками на темные бревна стены.

– Грамотный, – усмехнулся Ермаков и, нашарив под одеждой пленника пистолет и внушительных размеров тесак, легким отработанным ударом обездвижил кулем осевшего мужика. Василий тем временем спеленал своего подвернувшейся под руку веревкой и подтащил его к все еще неподвижно лежавшему Пехтеру.

– Вроде еще один должен быть для ровного счета? – спросил его Ермаков.

– Лежит. Там... – И Василий кивнул в сторону реки.

– Сашка где? – спросил Егор Рудых.

– Под лодкой. Иди освобождай. Нормальный пацан. В деда верит, как я в нашего старлея.

С этими чего делать будем?

– Сделали уже. Пускай гуляют. Они теперь стойбище Егора Егоровича по кругу обходить будут.

- Раньше они так не наглели.
- Любопытство мужиков одолело: по какой такой причине мы тут с тобой оказались?
- Ну? – помедлив, спросил Василий. – По какой?
- Разговор долгий и не очень простой. Пойдем в избу, я тебе всю здешнюю диспозицию изложу.
- А надо? – снова помедлив, спросил Василий.
- По желанию. Хочешь разобраться, в какой капкан твой братан угодил...
- Пошли, – оборвал его Василий и, не оглядываясь, пошел в избу.

Егор Рудых сгрузил «пиратов» в старую телегу-бестарку, выкатил её за ворота и чуть подтолкнул под откос к реке. Телега, набирая скорость, покатила вниз и, основательно подскочив на уступе берега, со всего размаху въехала в воду. Все еще не очухавшийся после удара камнем четвертый налетчик, мимо которого со скрипом и матом невольных пассажиров пронеслась телега, посмотрел ей вслед и спросил неизвестно кого: – Чего это?

Увидев, как его подельники с криком и стоном вываливаются из телеги в воду, он, пошатываясь и держась за голову, поплелся к ним.

– Чего было-то? – плачущим голосом спросил он Пехтерю. Тот, развернувшись, так «приложил» его, что вторично пострадавший отлетел чуть ли не на середину реки.

– Дед, – спросил освобожденный из-под лодки Сашка. – Ты меня сам нашел или дядя сказал?

- Сам ты что по такому случаю соображаешь?
- Мамка говорит, я еще плохо соображаю. Наверное, дядя сказал.
- Почему так считаешь?
- Мамка говорит, ты тоже не соображаешь. В этом...
- В чем? – грозно нахмурился Рудых.
- Воспитании.
- Та-ак. Мамка у тебя хорошая?
- Хорошая.
- А кто её воспитал?
- Не знаю.
- Я и воспитал. Значит, соображаю маленько. Вернется, мы с ней еще потолкуем, кто чего не соображает.

* * *

Ермаков и Василий сели друг против друга за стол и некоторое время молча смотрели друг на друга.

- С чего начнем? – спросил наконец Ермаков.
- С вас, – ответил Василий и, вспомнив, что еще вчера они договорились говорить на «ты», поправился: – С тебя.
- Логично, – согласился Ермаков. – Бывший мент, следак, майор, между прочим, хотя тоже бывший – Родион Ильич Ермаков. Можно просто – Ильич.
- Добровольно «бывший» или как?
- Зришь в корень. В основном – добровольно. Надоело за ментовскую зарплату исправлять неисправимое. Решил разбогатеть сразу и навсегда.
- Здесь, что ли?
- Смешно, конечно, но именно здесь. На этом самом месте. Вернее, поблизости. В радиусе, скажем, семидесяти – восьмидесяти километров.

– Клад хочешь отыскать?

– Снова в «десятку». Клад! И еще какой!

– Подставил тебя кто-то. В наших местах клады даже по причине белой горячки не брались отыскивать. Богатеев тут сроду не водилось.

– Не скажи, Василий Михайлович, не скажи. Богатеев не водилось, а золотишко было. Было?

– Кошкины слезы, а не золотишко. Пираты шерудят на старых отвалах помаленьку на опохмелку, и то, если другое чего не подвернется. На ягоде больше возьмешь, чем на нашем золотишке.

– Про Чикойское золото слышал?

– Кто про него не слышал. Сказки все это. Для детишек.

– Для детишек, говоришь? А вот у меня вполне достоверные сведения имеются, что братишка твой его отыскал. Или вплотную подошел, что, в принципе, одно и то же. Продолжать?

Василий долго молчал, переваривая услышанное. Потом с трудом выдавил: – Кто же тебя, Родион Ильич, такими сведениями снабдил? И какая нужда была именно тебе их сообщать?

– Такими соображениями, Василий, я с ним поделился. А почему именно с ним, я тебе как-нибудь по отдельности обскажу, – сказал, входя в избу, Егор Рудых.

Он поставил на стол большую миску с малосольным хариусом, вынес из-за задосок кастрюлю с дымящейся картошкой. Сашка тащил следом стопку тарелок и вилки.

– Голодное брюхо к истине глухо, – пробасил хозяин и неизвестно откуда извлек бутылку «Московской». – Берег на скорое прибавление семейства. Но раз такое дело – оскоромимся. Долгий разговор посуху не ходит. Начинать-то, знаешь, откуда надо?

– Откуда? – вмешался Сашка и, заинтересованно подперев кулачком подбородок, приготовился слушать.

* * *

На сорок третий день войны в четвертом часу в райкоме, казалось, не осталось ни души. Даже обычно дремавшей в это время за стеклянной загородкой уборщицы и сторожихи Дарьи не было. Подалась в потребилровку: слухи дошли, в складах по сусекам прошлогоднюю заваль подскребли и, чтобы окончательно не сгнула от мышинного своеволия, решили обменять на последние припрятанные рубли у испуганного населения, готового в ожидании еще худших времен отовариваться чем попало.

Иннокентий Рудых, привязав лошадь к райкомовскому забору, неторопливо поднялся на крыльцо, затушил пальцем недокуренную сигарку, аккуратно пристроил её на угловатый выступ балясины и вошел в высшее районное управление. Его тяжелые шаги гулко бухали в пустых коридорах. Он неторопливо заглядывал в каждую комнату и, убедившись, что там никого нет, осторожно прикрывал дверь. В те двери, которые были заперты, он деликатно стучал согнутым пальцем и, не дождавшись ответа, шел дальше. Оглушительно зазвонивший в одном из самых начальственных кабинетов телефон озадачил его своей долгой настойчивостью. Иннокентий подождал, не возьмет ли кто трубку, чтобы податься на зазвучавший голос, но трубку так никто и не взял. Звонок обиженно оборвался. Посетитель двинулся было дальше, но за одной из последних не проверенных дверей, раздался стук, словно на пол уронили что-то тяжелое. И тут же из-за этой двери высунулась голова взъерошенного человека в очках и испуганно уставилась на Иннокентия.

– Интересуюсь, где в настоящий момент руководство находится? – стараясь придать своему простуженному голосу вежливо-просительную интонацию, спросил Иннокентий.

– Вам чего, товарищ? – словно не слыша вопроса, спросил человек. Иннокентию показалось, что он изо всех сил сопротивляется кому-то, кто хочет вытолкать его в коридор.

– Мне бы самого главного, – стараясь как можно отчетливее выговаривать слова, прохрипел Иннокентий. – Дело наиважнейшее.

– На сегодня все дела сняты с повестки дня. В полном составе отбыли на заготовку оставшихся кормов и проводы добровольцев. Приходите завтра.

– Завтра? Завтра мне уже желательно за реку переправиться. Сегодня решить, во что бы то ни стало необходимость крайняя. Дело государственное...

– Ничем не могу помочь, – каким-то сдавленным голосом проговорил человек и скрылся за дверью.

– А мне помогать не надо, – после некоторого озадаченного молчания загремел Иннокентий уже в полный голос. – Я, может, сам помочь желаю. По причине, что драпаем по всем направлениям, заместо «стальным кулаком по территории противника».

– Это кто тут пораженческую пропаганду разводит? – раздался за спиной голос первого секретаря, только что вернувшегося от военкомата, где длинной напутственной речью он проводил старенькую полуторку с двумя десятками добровольцев на сборный пункт в соседний район. – Не драпаем, а отходим на заранее подготовленные позиции. А потом уже стальным кулаком. Ты, что ль, Иннокентий? Лучший охотник в районе, а разобраться в простой тактике не можешь. Говори, чего пришел? Мне еще в МТС надо успеть.

– Чего там разбираться? Заготовленные позиции уже под Смоленском оказались. Ты мне лучше вот что скажи, товарищ первый секретарь нашей районной руководящей партии. Сколько в танковом полку должно боевых машин находиться? И сколько, к примеру, золотишка потребуется, чтобы их изготовить в полном комплекте? Чтобы они от нынешних позиций в самое логово врага двинулись.

– Зачем это тебе?

– Ты сначала скажи, а потом уже я объяснения дам.

– Ну, если честно, не знаю я, сколько в танковом полку техники находится. Десятка три, меньше вряд ли. На танковую колонну пожертвовать хочешь? А что, мысль интересная. В соседней области колхозники на самолет личные средства вложили. Если поднатужимся, на танк вполне наскребем. Надо будет на бюро обсудить. Оформим как почин лучшего охотника района. Какой взнос делаешь?

Иннокентий что-то подсчитывал в уме, загибая пальцы. Потом сказал: – Ежели тридцать, по килограмму за штуку, считай, почти два пуда. Может, еще и на самолет останется. Объявляй, товарищ секретарь, на своем бюро, что Иннокентий Рудых тридцать килограммов золота на оборону Советского Союза от немецких фашистов безвозмездно передает. Сообщай, куда и в какое время доставить? И охрану, после того как передам, обеспечить. Мало ли чего.

Секретарь подошел к Иннокентию вплотную, потянул носом.

– Вроде трезвый... Неудачное ты время для шуток, дорогой товарищ, выбрал. Я сейчас мужиков на фронт провожал. По-хорошему – духовой бы оркестр, лозунги соответствующие. Так куска сатина для оформления не отыскали. Все подчистую выгребли со складов для победы. А ты – золото. Сколько, говоришь? Тридцать килограммов? Да весь наш район со всеми потрохами... Три кило хватит. Не знал бы я тебя за серьезного мужика, попер бы отсюда, чтобы душу не травил. Чего тебе в голову стукнуло? Об сучок, что ль, приложился?

– Нелюбитель я шутковать. Если по правде речь вести, не навались немец такой силою, хрен бы я тебе слово сказал. Пускай бы себе лежало, где лежит, до справедливого времени. Его бы, ежели по-хорошему, не на танки, а народу на облегчение от нашей такой беспросветной жизни. Только без танков полный шандец может получиться. Тыщи народу уберегут. Готовь охрану, секретарь, через неделю тридцать килограммов прямо тебе в кабинет доставлю. Меньше чем через неделю не управлюсь.

– Ты что, никак Чикойское золото отыскал?

– Его.

- Давно?
 - Порядком.
 - Знаешь, что за сокрытие государственных кладов полагается? – почему-то шепотом спросил секретарь.
 - Какое такое сокрытие, ежели я его на сопротивление фашизму передаю? – тоже понизил голос Иннокентий.
 - А если там больше, чем тридцать килограммов?
 - Может, и больше.
 - А ты только тридцать?
 - Ну.
 - Остальное пусть лежит?
 - Пускай.
 - Про запас?
 - Про запас. Мало ли чего. Сколь у нас с начала веку потрясений разных было. А до конца еще далеко. Глядишь, снова пригодится.
 - Вот что, гражданин Иннокентий Рудых... Прикажу я тебя сейчас под арест, а потом под конвоем до самого... Где оно там у тебя?
 - Кто ж его знает? Под конвоем и вовсе в другую сторону можно наладиться.
 - Ясно. А если я с тобой? В единственном числе. Для партийного контроля. Чтобы все до грамма...
 - У меня на этот случай, гражданин секретарь, свой контроль имеется.
 - Интересно. Кто такой?
 - Совесть.
 - Ты еще Бога помяни.
 - Чего его без дела поминать. Он и так все видит.
 - Ты это серьезно?
 - Серьезней некуда.
 - Не думал я, Иннокентий, что ты такая запутанная личность. А я тебя еще в партию намечал принимать.
 - Без надобности.
 - Думай, что говоришь.
 - Без надобности я ей. Сроду, кроме себя, никем не руководил. Да и сам в поводырях не нуждаюсь. Ну, нести золотишко или повременить еще, пока немец под самую Москву не подойдет?
 - Быстрее чем за неделю не обернешься?
 - Дождь наладится, и за неделю не обернусь. Места наши – сам знаешь: не болотина, так осыпь. Да и вода нынче дурная – прет почему зря. Ты бы мне коня доброго приказал. Карька моя все ноги посбивала.
 - Возьми на конном. Сошлешься на меня.
 - Ну и ладно. Быстрее не быстрее, а через неделю буду.
- Иннокентий повернулся уходить, но секретарь придержал его за плечо.
- Знаешь, что я с тобой сделаю, если все, что ты мне тут наплел, провокация?
 - На хрена она мне?
 - Вот и я так думаю. Только учти, за такие шуточки статья без снисхождения.
- Иннокентий высвободил плечо из-под цепкой секретарской руки и пошел по коридору к выходу.

В комнате, из которой высовывалась голова взъерошенного человека в очках, было слышно почти каждое слово разговора. В ней вплотную к двери, сдерживая дыхание, стояли двое – уполномоченный по заготовкам из области Виталий Васильевич Горнов и главный сче-

товод райкома Вера Степановна Шабалина. Когда шаги секретаря затихли за дверью его кабинета, Вера Степановна, не первой молодости, но все еще симпатичная и статная женщина, осторожно убрав руку Горнова со своей талии, прошептала: – Ну Кешка... Скажи кому – не поверят. Все они Рудых с придурью. Что батя был, что братаны оба.

– Отсутствие соображения, без сомнения, налицо. Только говорить об этом, Верочка Степановна, ни в коем случае не следует. Еще неизвестно, чем этот странный, я бы сказал, инцидент закончится. В случае чего на «вышку» потянуть может.

* * *

Егор Рудых разлил по стаканам водку и сказал: – За помин души дядьки моего Иннокентия. Правильный был мужик. Таких сейчас, считай, и не осталось. За свою праведность и сгинул.

– Убили? – вскинулся Василий.

– По моим предположениям – в обязательном порядке, – сказал Ермаков. – Но вот Егор Егорович возражает. Считает, не могли лучшего охотника в округе, как лося, завалить. Резон в его рассуждениях имеется. Пока до золота не дошел – убивать смысла не было. А если на обратном пути с грузом подкараулили, тогда тоже вопрос возникает – куда этот груз подевался? Бесследно исчезнуть такое богатство категорически не могло. Секретарь, когда минули все сроки, дал знать куда следует. Шума не поднимали, но прошерстили все на десять рядов. Не только мужской, но и женский пол досконально проверили на предмет присутствия и отсутствия в эти дни. Тайгу по недельной окружности по сосенке перебрали. Бесплезняк. Сгинул. Сгинул, как и не было никогда. И как считали Чикойский клад бабьей выдумкой для пацаньячьего развлечения, так и оставили. А Иннокентий Рудых, мол, пропал в тайге по собственной неосторожности. То ли на осыпь попал, то ли в озере утонул, то ли болотина засосала. Косолапого людоеда в тот же ряд зачислить можно. Мало ли здесь таких ЧП каждый год случается.

– Батя и дядька с таких вот лет. – Рука Егора Рудых опустилась на светлый затылок Сашки. – В тайге, как у мамы за пазухой. С закрытыми глазами наскрозь пройти могли, не споткнулись бы.

– Что тогда? – с подначкой спросил Ермаков.

– Золото убило.

– Ну, если в переносном смысле, готов согласиться.

– Твоего согласия никто не спрашивает. Ежели, как считаешь, убили – конь где? А главное дело – Малыш с ним был.

– Кто? – переспросил Василий.

– Кобель. Такой кобель был бесценный – чужого в тайге за тыщу шагов чуял. Близко не подпустил бы никого. Тоже не вернулся. Всех троих – и думать нечего, чтобы уничтожить без следа. Быть такого не может, и не было никогда. Не в человеческих это силах. Да и мужиков к тому времени в поселке, можно считать, не осталось. Одни старики, инвалиды да ребятя.

– Значит, еще одна версия. По сегодняшнему времени очень даже подходящая. Поразмылял по дороге твой дядька хорошенько – а мужик он, судя по всему, был не дурак, – понял, что его танковая колонна немцу, что слону дробина при тогдашнем положении дел на всех фронтах, оставил драгоценные пуды в длительной записке и подался от греха подальше новую жизнь себе устраивать. Что ему секретарь в награду обещал? Не то срок, не то «вышку»? Думаешь, они тридцатью килограммами ограничились бы? За него такие бы мастера принялись, все бы до граммульки притащил, да еще бы виноватым остался. Не поверила бы тогдашняя власть, что он в личных целях килограммчик-другой в дупло не отложил до лучших времен.

– Грешным делом, я одно время тоже так размышлял, – разливая оставшуюся водку, сказал Егор Рудых. – Я когда батяне на фронт отписал, что дядя Кеша бесследно из тайги не

вернулся, он мне ровно за два дня до того, как в атаке под Москвой погибнуть, отписал: – Живой Иннокентий, и все тут. Я, мол, недавно его во сне видал – идет по излюбленной тропе, которая на Качугском прижиме, и рукой помахал: все по уму, не беспокойся, на Долгом ухажье повстречаемся.

– Иван, между прочим, тоже на Долгое шел, – со значением повернулся Ермаков к Василию. – Впечатляет?

– Что вы тут сказки мне рассказываете? – не поднимая головы, раздраженно сказал Василий. – Было, не было, во сне приснилось. Если и было чего, то тогда. В живых уже никого не осталось. Иван тут каким боком?

– А ты еще не задал себе вопрос, почему твое появление такой переполох у местной общественности вызвало? – без улыбки и с неожиданной жесткостью в голосе спросил Ермаков. – Пираты тоже вон всполошились, в гости наведались.

– Их проблемы, – огрызнулся Василий.

– Ну, когда шестеро на одного, это уже и твои проблемы. Ежу понятно – нежелательно им твое присутствие. Не-же-ла-тель-но! Почему?

– Знают, что он за братана всю тайгу перероет, пока причину не отыщет, – встрял Егор Рудых.

– В десятку. А что отыщет?

– Всё отыщу, – грохнул кулаком по столу Василий.

Сашка испуганно отодвинулся от него и покосился на деда. Дед подмигнул ему, и Сашка снова стал слушать.

– Этого они и боятся, что всё, – подвел итог первому этапу разговора Ермаков. – Найдет того – кто, возникнет вопрос – почему? Узнает почему, следующий вопрос – за что? А когда станет ясно за что, тут и окажется – вот он Чикойский клад. И от него следы уже к дядьке твоему, Егор Егорович. Согласен?

– Я-то согласен, – буркнул Рудых.

– И я согласен, – вмешался Сашка.

– Ну что, вместе пойдем по следу или в одиночку двинешь? Мы ведь мужички неслабые, подмогнем в случае чего. А ты нам.

– Меня ваше золото не интересует. Не верю я в него. Нет его и не было никогда.

– На нет и суда нет. Зато узнаем, что с Иваном случилось. Договорились?

Василий внимательно посмотрел на одного, на другого и согласно кивнул головой.

– Тогда подкрепимся, и я тебе подробную диспозицию на сегодняшний день изложу.

* * *

Отец Андрей в стареньком, перемазанном красками рабочем халате Олега, который был ему до смешного мал, забеливал свежеразведенной известкой набросок «Матери мира» на стене. Из магнитофона, который стоял рядом с ним на лесах, доносился негромкий голос Окуджавы.

Женщина лет сорока неуверенно возникла в проеме полуоткрытой двери. Некоторое время она испуганно наблюдала за действиями отца Андрея и прислушивалась к словам песни. Магнитофона видно не было, и со стороны могло показаться, что песню напевает отец Андрей.

– Был ваш приход, как пожарище —
Дымно и трудно дышать,
Ну, проходите, пожалуйста,
Что на пороге стоять.

Женщина неуверенно сделала несколько шагов вперед.

– Кто вы такая, откуда вы?
Ах, я смешной человек,
Просто вы дверь перепутали,
Улицу, город и век, —

пел Окуджава.

– Может, и перепутала, – сказала женщина. – А куда деваться, ежели в своем доме теперь не хозяйка? Одна надежда была – поп, говорят, приехал, служить будет. Я-то по первости Мотовилиху позвала, чтобы она заговор какой или воск слила, так она обеими руками от меня отмахалась. Не мое, говорит, дело – хозяину мешать. Раз он уходить не желает, значит, твой грех его держит. Иди, говорит, в грехах покайся, святой воды возьми и во все углы налей. Может, поможет, может, нет. В зависимости как Бог на это дело посмотрит. Так на что смотреть-то, на что? Чего я такого сделала, что он от меня уходить не желает?

Во время её маловразумительного монолога отец Андрей, не выпуская из рук кисти, спрыгнул с лесов и подошел поближе.

– Кто не желает? – удалось наконец вставить ему вопрос.

– Так мужик мой покойный, кто еще. Ему там теперь, кажись, какое дело? Когда живой был, окромя водки, никаких желаний не было. А теперь интересоваться стал.

– Чем? – все еще ничего не понимая, спросил отец Андрей.

– А вы, извиняюсь, поп будете или по малярной части?

– Будущий здешний священнослужитель.

– И покойников отпевать будете?

– Все, что по сану положено.

– И грехи?

– Что грехи?

– Отпевать. Тьфу! Отпускать.

– Грехи Господь прощает, если искреннее покаяние имеется.

– Имеется, гражданин священнослужитель, имеется, не сомневайтесь даже. Только грехов в этом самом смысле уже с год, а то и больше не было. Предполагались только. И то не грехи, а самым законным образом. Подружка моя, со школы еще, Галька Пустоветова, привела его, значит, ко мне сватать.

– Мужа покойного?

– На что ж мне покойника сватать, вы чего! Это уже после того, как он помер. Месяца четыре прошло, не меньше.

– Я не понял – кого сватать привела?

– Так мужика своего. У меня, говорит, жизнь с ним не получается, хочу в город уехать, как все люди, а он ни в какую. Ему, бурундуку таежному, здесь, видите ли, хорошо. Какой хорошо, когда она дом продает! Значит, у мужика ни угла, ни обихода. А у меня, будем говорить, все в полном наличии, грех жаловаться. Да и сама я еще при теле и все такое, сами видите. «В хорошие условия тебя отдаю» – это она ему говорит. А мне объясняет: «Какой ни на есть, а все ж таки – мужик. Раз в месяц сгодится, и то хлеб». Тот только головой кивает – согласен хоть сейчас переселяться. А где у нас мужиков, чтобы полностью соответствовали, отыщешь?

Мы это дело отметили маленько, остались с Галькой подробности обсудить, а его в другую комнату отправили, нечего ему бабьи разговоры слушать. Он на кровать, значит, и завалился. Мы с Галькой еще помаленьку добавили, раз все на лад пошло, слышим, он там заговорил что-то, потом вроде как упал. Погодя выползает, глаз заплыл, губа вот такущая... «Нет, – говорит, – моего согласия, отказываюсь». И посылает нас обеих... Мы его за грудки – что,

как? «А так, – говорит, – мужик твой пришел и давай меня с кровати тащить: «Чего на моей собственности разлежся?!» Потом в глаз дал, и зуб вот шатается».

Мы в один голос – какой мужик?! В дому, кроме нас, никого нет! «Не знаю какой, а мне никакого интереса здесь находиться больше нету».

Как ни уговаривали, поллитру новую выставили – даже смотреть не стал.

Врать не буду, спугалась, в летник ночевать сбежала. Так он и туда заявился. «Если, – говорит, – еще кого приведешь, я тебя не хуже, чем его уделаю».

– Больше не приходил?

– Приходил. Галька на другой день мужика своего за шкуру приволокла. Напился, кричит, с кровати свалился, а на безвинного покойника поклеп возводишь. Давай, говорит, я с тобой на ту койку ночевать лягу, поглядим. Ежели не придет, я тебе еще один зуб выбью.

– Пришел?

– А то как же. Они с Галькой чуть не голышом через огород засвистали, только я их и видала. Получается теперь, вся моя дальнейшая женская жизнь никакой перспективы не имеет, ежели вы, гражданин священнослужитель, не поможете. Выгоньте его, паразита. Он мне и раньше жизнь портил. Сам не ам и другим не дам. Поживи с таким. Так еще и с того света покоя не дает. Чего ж мне теперь, живой в гроб ложиться?

– Молиться не пробовали?

– А я их знаю, молитвы эти? Меня кто им учил? Мотовилиха говорит, особые надо читать, на изгнание бесов и грехов всяческих. А какие у меня грехи, когда он шагу ступить не дает?

– Молитвенник я вам дам, но молитвы только крещеному человеку помогают. А вы, похоже, некрещеная?

– Кто ж меня покрестил бы? Батя Бога только в матюках поминал. Бабка иногда со страху крестилась, и то не знамо в какую сторону – церкви вокруг на тыщу километров не отыщешь. Одна теперь на вас надежда.

– Ну что ж, освятим церковь, приходите, если искреннее душевное желание такое будет. Подобное деяние Богу в радость.

– А правда, что креститься в голом виде обязательно?

– Кто вам такую глупость сказал?

– Так мужики в магазине гогочут. Срамно говорить, чего несут. Про вас тоже изгаляются.

– Несправедливая хула – для души испытание. Вы вот, несмотря ни на что, пришли все-таки в храм – первый шаг к спасению сделали. Второй полегче будет. А там и третий, и дальше пойдете.

– Понятное дело, пойду. Бегом побегу, лишь бы этот сторож от меня на свое законное место отвалился.

Женщина неумело, но истово перекрестилась на полузакрашенное изображение «Матери мира».

* * *

Катерина, жена Михаила Тельминова, задыхаясь от переполнявших её новостей, чуть ли не бегом, несмотря на весьма солидные габариты, пробежала через двор, разом, без остановок заскочила на высокое крыльцо, которое обычно преодолевала с нарочитыми передышками, жалуюсь самой себе или подвернувшимся слушателям на нерадивость мужа, не удосужившегося в свое время соорудить две лишние ступени, чтобы подъем не был столь крутым и неудобным. «Ноги чуть не выше себя задирает приходится, а этому дурodelу мундашкину хоть кол на голове теши», – вещала она перед началом подъема на первую, особо крутую, ступеньку, показательно возвышая голос до первой стадии обличающих интонаций, за которыми обычно начинался поток неуправляемых жалоб на неудавшуюся семейную жизнь и категорическое

нежелание благоверного меняться к лучшему, хотя бы до уровня заборного соседа, изредка находящего в себе силы в перерыве между беспробудными пьянками наколоть охапку дров или навечно присобачить к стене огромным гвоздем покосившуюся и хлюпающую от малейшего ветерка ставню. Михаил, обычно не обращавший на сетования перманентно недовольной жизнью половины никакого внимания, однажды под горячую руку выразился примерно в том смысле, что ноги у неё были в то время, когда окружающие звали её Катькой и поднимать их ей было тогда не лень не только при подъеме на крутое крыльцо. А теперь, когда Катька превратилась в Екатерину Федоровну, а ноги в нечто соответствующее изменившимся объемам, ей следует Бога благодарить за столь удачное произведение плотницкого искусства её же собственного отца, которое не дает ей теперь окончательно превратиться в неподъемный куль, ежедневно до отказа набиваемый его, Мишкиными, трудами добываемой продукцией. Онемевшая от неожиданного отпора и обидных сравнений Катерина лишь после исчезновения мужа за пределы тяжеловесного забора разразилась такими криками и воем, что соседкам по улице хватило радости до конца недели, в течение которой Михаил, хорошо знакомый с особенностями характера супруги, домой так и не заявлялся, предпочитая протертый до дыр тулуп в конюховой обиженному супружескому ложу.

Новости на сей раз, по мнению Катерины, были настолько сногшибательны для заявившегося после полуночи в состоянии радостного полупьяного возбуждения Михаила, что непреодолимое желание увидеть его растерянным и испуганным придало ей резвости и сил втрое против её обычной утренней расторможенности.

Михаил все еще спал сном праведника на брошенной второпях в темноте на пол рухляди и блаженно чему-то улыбался во сне. Катерина громко хлопнула входной дверью, но благоверный только пожевал во сне губами, а улыбка на его лице расплзлась еще шире. Тогда Катерина взяла пустое ведро и, высоко подняв его, уронила на пол. Видимо, еще не окончательно отошедший от впечатлений пребывания в областной психушке Михаил, не открывая глаз, мигом намотал на себя, и особенно на голову, все оказавшееся под рукой тряпье и, свернувшись калачиком, замер, явив неведомым нападавшим свою полную беспомощность и неподвижность.

– Дрыхни, дрыхни, – голосом, сладким от предчувствия скорой ошеломленности супруга, завела Катерина. – А там Ваську уже поубивали и труп до сих пор отыскать не могут. Видать, в реку столкнули.

Михаил рывком сел и стал торопливо срывать с головы цветастую наволочку и какую-то ветхую шалюшку.

– Место преступления оцепили. Кровищи там – ведра два, не меньше. Степке не то руку, не то ногу сломали, Сережка Зудин до сих пор без памяти лежит. Чикин похвALEется, если Васька живой, меньше червонца ему не светит. Шабалинские все с ружьями понабежали. Мы, говорят, его все равно уделаем.

– Кого? – спросил освободившийся наконец Михаил, все еще сидя на полу.

– Дружка твоего закадычного. Сидеть ему теперь по-новой, чтобы руки не распускал.

– Так он живой?

– Кабы живой был, уже бы сыскали. Любаша, бесстыжая, ко мне суется – может, Мишка твой чего знает? Спит, говорю, Мишка без задних ног. Ночью чуть тепленький заявился, видать, Васькино возвращение отмечал. Теперь его по-новой в психушку, чтобы знал, кому в рот глядеть, за кого заступаться. За жену так сроду не заступится. А ежели бы он ко мне, как к Любке в баню заперся?

– Заткнись! – сурово приказал Михаил и поднялся. – Кому ты нужна?

– Чего, чего? – угрожающе двинулась к нему Катерина.

– Стой, где стоишь. У меня теперь справка, заверенная профессором, что за свои действия юридической ответственности не несу по причине поэтического таланта. Звездану сей-

час в лоб за недостоверную информацию – будет считаться состоянием аффекта. И полная амнистия. Поняла?

Катерина молча кивнула и с возрастающим беспокойством стала следить за действиями мужа, который достал из-за громоздкого старого шкафа завернутый в рваную ковбойку карабин, развернул, собрал несколькими точными движениями, передернул затвор, достал со дна сундука коробку с патронами, зарядил, пригладил пятерней взлохмаченные со сна волосы, прихватил висевшую у двери куртку, открыл дверь и, погрозив онемевшей супруге карабином, побежал со двора.

* * *

Начальник поселковой милиции майор Чикин остановил новенький уазик у самого крыльца больницы. Прихватив с соседнего сиденья папку, неловко выбрался из машины и, угрюмо оглядев без толку переминавшихся у входа родственников парней пострадавших в ночной драке, недовольно хмыкнул и вошел внутрь. Навстречу уже спешил главный врач.

– Все в одной палате, соответственно вашему распоряжению, Эдуард Дмитриевич, – отпортовал он и только после этого протянул для рукопожатия руку.

Чикин, не останавливаясь, слегка прикоснулся к ней своей ручищей и, тяжело ступая, пошел по коридору.

– Сюда, Эдуард Дмитриевич, – остановил его главный врач и открыл дверь в палату. Чикин, прошагавший было мимо, снова недовольно хмыкнул, постоял, словно в раздумье, развернулся и вошел в палату.

Все шестеро напавших ночью на Василия были в наличии. Забинтованные, перемазанные зеленкой и йодом, они испуганно уставились на вошедших.

Чикин тяжело опустился на стул, услужливо придвинутый ему главврачом, раскрыл папку, аккуратно отсчитал ровно шесть листов чистой бумаги, положил их на стол, прихлопнул ладонью и сказал: – Значит так, шпана недобитая, мандалаи мокрозадые, шушера тараканья, драться не умеете, пишите заявления. Добровольное признание смягчает наказание.

– За что наказание? – дернулся Степка Добрецов. – Мы его и не достали, считай, ни разу.

– Вот за это самое и будете отвечать по всей строгости. Не достали, а должны были. Он-то вас, я смотрю, достал.

– Приемчики знает гад, – прохрипел забинтованный до неузнаваемости Мосол.

– А тебе кто с ними мешал ознакомиться? Времени не было? Теперь будет в достаточном количестве. Значит так. Культурно отдыхали, шли по домам проводить знакомых девушек...

Кто-то из пострадавших, не выдержав, хихикнул.

– Именно девушек, поскольку были озабочены их безопасностью. А озабочены были, поскольку всем вам стал известен факт хулиганского проникновения в баню и изнасилования... Почти изнасилования, поскольку вмешался муж гражданки Любви Бондарь.

Снова кто-то хихикнул.

– Дальше пишите: «Встретив Василия Боковикова, находящегося в нетрезвом состоянии, пытались мирно разойтись по своим направлениям, а он стал по одиночке жестоко избивать каждого». Если напишите, что сопротивлялись все вместе, у суда могут возникнуть вопросы. Понятно?

Все дружно закивали головами.

– В подробностях каждого индивидуального избивания не ограничиваю, но за достоверность будете нести персональную ответственность. И еще – отыщите свидетеля, который видел все это в подробностях. Тоже понятно?

Снова все дружно кивнули.

– Писать без ошибок, обстоятельно. Чтобы у следствия не появилось ненужных дополнительных вопросов. Тому, кто не справится с заданием, бюллетень не будет оплачен. Так? – Чикин внимательно посмотрел на главврача.

– Вообще никакого бюллетеня не выдадим, – торопливо согласился главврач.

– Ладушки, – одобрил Чикин.

Он закрыл папку, поднялся.

– Заявления соберешь и ко мне. Отметим это дело, – сказал он главврачу и двинулся к выходу.

– Без проблем. А дело какое? – засуетился тот и, забежав вперед, открыл Чикину дверь.

– Хотели, как всегда, а получилось еще лучше. Проследи тут за ними, чтобы трепу лишнего не было.

Чикин и врач пошли по коридору к выходу.

Тут же из комнатухи напротив палаты выскользнул Тельминов и, осторожно открыв стволем карабина дверь, вошел внутрь и уселся на тот же стул, на котором только что сидел Чикин. Внимательно оглядел каждого находившегося в палате и тихо сказал:

– Первое, о чем категорически советую иметь в виду. Если с моим другом Василием Боковиковым что-нибудь случилось или случится нехорошее, предупреждаю один-единственный раз: открываю огонь на поражение. Во всех вместе и в каждого по отдельности. Поимейте в виду, справка из областного психдиспансера освобождает меня от всякой ответственности за ваше поганое здоровье.

И второе. С настоящего момента вплоть до полного выяснения всех обстоятельств убийства Ивана Боковикова и прочих криминальных событий последнего и предпоследнего времени, раз вы, сволота, предела знать не желаете, объявляю вам всем вместе и каждому по отдельности беспощадную войну. У нас в поселке теперь поп имеется, советую сходить и во всех грехах покаяться. Помирать легче будет. Уяснили? А пахану своему передайте: нас уже вполне достаточно, чтобы ему яму вырыть.

– Во чешет! – вроде как даже восхитился Степка Добрецов, поднимаясь со своей койки. – Крепко тебе, Тельмяк, в психушке мозги подкрутили. У тебя их и так не много было, теперь вовсе курице дростануть осталось.

Степка подошел к столу и уцепил левой здоровой рукой графин с водой. Кто-то из подельников подобострастно хихикнул, а забинтованный Мосол приподнялся на локте – посмотреть, как Степка, изображая из себя припадочного, уделает этого придурка.

– Тебе-то чего про мозги известно? Они у тебя были когда? Хотя, если по справедливости рассуждать, какая-то труха маленько была, пока тебя дурной петух в зоне в голый зад не клюнул. Видать, последняя высыпалась.

– Я тебя, падла психованная, сейчас зубами рвать буду! – сатанея от собственного свистящего шепота и выкатывая белые бессмысленные глаза, рванулся к Тельминову Степка, занося для удара наполненный водой графин.

– Урою, сучара!

Михаил повел стволем карабина и спустил курок. Осколки графина полетели в разные стороны, вода окатила очумевшего от неожиданности Степку и лежащие на столе листы бумаги, оставленные Чикиным для написания подсказанных показаний.

– Последнее предупреждение. Следующий раз – в лоб.

Тельминов подошел к окну, выбив по дороге ногой табуретку из-под уже пристроившегося писать заявление Ленчика, не торопясь, распахнул створки и, не коснувшись ногой подоконника, выпрыгнул во двор.

* * *

Директор коопзверпромхоза Валерий Кириллович Домнич пребывал в тяжелом похмельном позднеутреннем сне на старом кожаном диване, вынесенном за неприглядность на веранду. Здесь же, на веранде, стоял неприбранный стол, вдоль стены рядком стояли стулья – нетрудно было пересчитать, сколько человек присутствовало на вчерашнем торопливо созванном совещании, посвященном неожиданному возвращению Василия Боковикова. Еще один отбившийся от остальных стул приткнулся к изголовью спящего. На нем стоял баян, на баяне – недопитая бутылка пива...

Старик Шабалин вошел на веранду, хмуро оглядел царящий беспорядок, заснувшего прямо в одежде зятя, так и не выключенную, несмотря на яркий солнечный свет, лампу. Погасив лампу, он тяжелой палкой, с которой никогда не расставался, смахнул со стола пустые бутылки, тарелки, стаканы. Грохот и звон разбитой посуды не разбудили спящего.

Из соседней комнаты выглянула переодевавшаяся полуголая Надежда и, разглядев отца, захлопнула дверь.

Шабалин сел на один из стульев и что есть силы ударил по столу палкой.

Стук, похожий на выстрел, подкинул Домнича на диване. Он сел, прикрываясь рукой от солнечного света. Оценив ситуацию, хриплым со сна голосом позвал жену: – Надежда! Батяц требует перемены декораций. За бардак в доме должна отвечать жена.

Надежда вышла на веранду в милицейской форме.

– Ну?

– Гну. Я тебя до утра ждал, как мистер Икс какой. Она там, батяц, с ним трахается, а я тут порядок наводить должен. Слова ей не скажи. Примадонна с дальнего кордона. Как он, ничего мужик? Или ваши не пляшут?

– Еще слово про него скажешь, я тебя так трахну, твой икс в минус превратится.

– Кончайте оба! – приказал Шабалин и, выждав внушительную паузу, продолжал: – Ты, дочка, его, убогонького, пожалуй теперь должна. Последнюю ночь ночевал спокойно. Теперь ему либо вовсе не спать, пока дело до конца не доведет, либо в камере у параша пристроят. Будет песни уркам на расческе исполнять. Артистов там любят.

– Давно пора. Всё? Мне на работу.

– Твоя работа сейчас – мужика спасать. Мало того, что сам загремит, считай, пол поселка за собой в тюрьгу потянет. С конфискацией имущества. И придется тебе тогда, дочка, в родной дом возвращаться.

– Хоть сейчас.

Надежда дернулась уходить.

– Не спеши, – преградил ей палкой дорогу отец. – Между собой как хотите, так и разбирайтесь, а против всеобщей опасности полагается плечом к плечу.

– Только не надо нагнетать обстановку! Не надо, – допив оставшееся в бутылке пиво и облегченно вздохнув, возразил Домнич. – План вчера наметили, обсудили, единогласно проголосовали. Васька не сегодня завтра снова на парашу сядет, без вариантов. Тельмяка-придурка я даже в расчет не беру. Что еще? Постояльца у Егора в ближайшее время вычислим – Чикин лично займется. Так что зря паникуете, родственники дорогие. Все по плану, все по расписанию.

– Это в наше время все по плану было, а теперь полная хренотень, – не согласился Шабалин, презрительно глядя на помятого зятя. – Невыполнение по всем показателям.

– Мне ваша совковая терминология, дорогой тестюшка, во уже. – Домнич провел ладонью над головой. – Отвыкать пора. Сейчас у нас один показатель – живи сам и давай жить другим. А

тем, кто жить не дает, от ворот поворот. Лично я за такую демократическую политику руками и ногами.

– Дермократическую, – поправил старик и снова преградил путь дернувшейся уходить дочери.

– Кому что по вкусу. Не понимаю только, что вас не устраивает? Сами всю свою сознательную жизнь именно этой политики придерживались. И неплохо жили. Не так, что ли?

Домнич взял баян и, тихонько подыгрывая, запел арию мистера Икса:

Устал я греться у чужого огня.

Но где же сердце, что полюбит меня?..

– Пятый год с этим придурком маюсь. Хоть бы объяснил мне когда-нибудь, что ты в нем разглядел такое необыкновенное? В наследники определил. Радуйся теперь на своего наследника, любуйся!

Брожу по свету, боль свою затая,

Всегда быть в маске – судьба моя,

– напевал Домнич, не обращая, казалось, на слова жены ни малейшего внимания.

– Поглядим, как он теперь разуривать будет. Соответственно и выводы поймеем насчет дальнейших перспектив.

– Разуриим, не переживайте. Все по уму будет.

– По какому уму?! – закричал Шабалин. – Васька твоих бандюков придурочных, как кутят, уделал.

– Какие они бандюки? Шпана. Для легкой разведки боем. Мы с Чикиным этот вариант тоже имели в виду. Он же после тюряги наверняка подписку давал, что ни в какие криминальные мероприятия вмешиваться не должен. В первый же день вмешался. Так что теперь ваши не пляшут. Сегодня же и определим в предварительную отсидку.

– Пока еще не определили, а шуму уже, как на цыганской свадьбе.

– Издержки производства.

– На хрена мне такое твое производство? Это по карманам шарить под шумок хорошо. Серьезные дела в полной тишине проворачивать надо. Чтобы ни слуху ни духу.

Я уже без твоего Чикина выяснил про Егорова постояльца.

– Что, граф Люксембург какой-нибудь?

– Кому граф, а кому следователь по особо важным делам.

Баян в руках Домнича вякнул и замолчал. Домнич почему-то внимательно поглядел на жену и спросил: – Информашка достоверная?

Старик Шабалин поджал губы и промолчал.

– Понятно. – Домнич аккуратно положил баян на диван, поднялся. – Может, еще новости имеются? Что-то наша красавица молчит, как партизан. Зачем, спрашивается, мы её в тыл к противнику засылали? Выкладывай. По глазам вижу – не терпится.

– Только сразу предупреждаю, – сказала Надежда, пристально глядя на мужа. – Если эта новость к тебе хоть одним боком – своими руками...

– А ко мне здесь все и тем, и другим боком. Чуть что, каждая собака первым делом ко мне: помощи, спаси, выручи, подскажи, одолжи. Служба МЧС, а не директор коопзверпромхоза.

– Не придуривайся. Знаю я твою службу. Поглядим, что она теперь делать будет.

– Все в лучшем виде будет, не бойсь. Докладай, старший лейтенант, докладдай.

– Мария вроде в себя пришла. Собирается давать показания. Роман Викентьевич в область звонил, чтобы следователь выезжал.

Домнич и Шабалин переглянулись.

– Своей милиции ему, выходит, мало, областные инстанции подключает, – стараясь придать голосу беззаботность, сказал Домнич. – Флаг ему в руки, пускай вызывает. Мы ему в свое время помощь предлагали – отказался. Как говорится, кто ищет, что-нибудь находит.

Через двор торопился Шевчук. Обойдя стороной захлебывающегося лаем пса на цепи, поднялся на крыльцо и, разглядев на веранде Шабалина, стал подавать ему знаки.

– Еще один агент скончавшегося социализма, – прокомментировал его появление Домнич. – Если и у него новость вроде ваших, пишу заявление об увольнении. Нервные издержки не соответствуют материальным доходам. Чего мельтешишь, как Попандупуло? Заходи! Заходи, заходи, мы хорошим новостям завсегда рады. У тебя ведь хорошие новости, Сергей Петрович?

– Мишка Тельминов в больнице стрельбу устроил – весь медицинский персонал до сих пор в морге скрывается. Мосол со страху отказался заявление против Васьки писать, а Степка Добрецов ему за это еще одну травму нанес вроде с переломом конечности. Аграфена пошла к попу исповедаться – все, говорит, ему, что здесь в настоящий момент происходит, в полном объеме изложу. Васька у Егора Рудых до сих пор находится. У Бондаря повреждение верхней половины головы и рука наскрозь прокушена. Любаша обещает в следующий раз вовсе это дело откусить, если к ней с ошибочными претензиями приставать будут. А еще, Юрий Анатольевич, по моим сообщениям...

– Я могу быть свободна? – явно ерничая, спросила Надежда.

– Гуляй, – махнул рукой Домнич, и когда Надежда вышла, спохватившись, крикнул: – Скажи Чикину, пусть срочно к Егору Рудых едет. И ребят покрепче прихватит!

– Сейчас, побежала, – пробормотала Надежда и, проходя мимо машины мужа, стоящей во дворе, что было силы ударила рукой по капоту. Тревожная сирена заглушила даже лай собаки. А уж соображений Шевчука вовсе не стало слышно.

* * *

На месте так и не дорисованного Олегом изображения отчетливо выделялось большое, покрашенное известкой пятно. Отец Андрей в дверях еще раз оглянулся на дело рук своих и, выйдя на крыльцо, запер церковь на большой навесной замок.

– Чего её запирать? – раздался за спиной насмешливый голос. – Одна в ей пустота в настоящее время. Свечки – и той не сыскать.

Отец Андрей оглянулся. С кучи бревен неподалеку от крыльца поднялся высокий нескладный мужик в старом офицерском кителе с одним капитанским погоном на правом плече.

– Вы ко мне или просто любопытствуете? – улыбнулся отец Андрей несурзному виду посетителя.

– В этом сооружении тоже участие принимал, – похвастался мужик, поднимая голову к кресту, венчавшему купол церкви. – Крест коллективно водружал. Вроде не скособочили. Одобряете?

– Вполне.

– Тогда у меня к вам такое дело будет, гражданин священник. Семейное дело. Баба у меня померла.

Отец Андрей перекрестился.

– Теперь крестись, не крестись, назад не воротись. А внимание оказать все равно требуется.

– Отпеть хотите?

– А хрен её знает? Извиняюсь, конечно, за неприличное выражение. На эту тему у нас с ней никогда даже разговоров не было. А что неверующая – это точно. Загнет другой раз и в Бога, и в мать, и во все остальные части, веришь-нет – даже мне не по себе станет. Особо, если с похмела. Правду говорю. Такая матерщинница... Я на месте Бога, если он, конечно, в наличии, близко бы её до себя не допустил. Да и он ей, если хорошенько сообразить, без особой надобности. Теперь вот некоторые снова задумываться стали насчет религии. Лично так считаю – если Бога нет, живи, не живи – полная бессмысленность получается. Так, нет?

– Так.

– Значит, согласный?

– Если неверующая, то отпевание не положено.

– Ей, конечно, твое отпевание до лампочки. А я вот чего делать должен? Ежели по совети?

– Помолитесь за упокой души новопреставленной... Как звали покойницу?

– Звали-то? Звали, конечно. Может, проявите какое ни на есть сочувствие? Дохромаем до моего места жительства, помянем покойницу, чтобы ей на том свете не шибко скучно было. Хромать, понятное дело, я буду, поскольку рысь пятку наскрозь прокусила. Дикая животина – никакого соображения. Много я теперь, колченогий, наохочусь? Во! – Мужик сунул под нос отцу Андрею фигу. – Потому и баба со мной жить отказалась. Без интересу ей с хромодырым маяться. Собрала свои бабьи причиндалы – и на прииск поварихой. А преждевременный инвалид живи как желаешь. Как, по-вашему, по-божественному – правильно это, нет?

– Так она у вас на прииске померла?

– Она-то? Не-е. Чего ей сделается? Поперек себя здоровее. Это другая померла. Я и звать-то её как, не всегда помню. Болела-то всего ничего. Ты, говорю, Петровна, не сомневайся, похороню, как родную. Поминки само собою, а если еще сам гражданин священник слово какое напутственное произнесет, тогда моя прежняя вовсе от зависти назад прибежит.

– Значит, померла ваша сожительница?

– Ну. Мне, говорит, чем с тобой сожительствовать, легче помереть. Вот и померла, дура. Тут всего и делов – до лесопилки, улица Шестнадцатого партсъезда, дом четыре. На мотоцикле – раз чихнуть.

– Это ваш мотоцикл? – Отец Андрей посмотрел на стоявший посреди двора старенький мотоцикл с коляской.

– Ну. Привел. Сам на ём не могу по причине неспособности к легкой технике. Пассажиром – с полным удовольствием. Дорогу буду показывать и все остальное.

– Что «остальное»?

– Так в магазин. На сухую ложку и муха не сядет. Таисья тоже нипочем не поймет. Скажет, не по-людски так-то, если не помянем как положено.

– Какая Таисья?

– Так покойница, я тебе который раз объясняю.

– А говорите – «скажет».

– Ну. С того свету. Вот если честно, имеется тот свет, нет?

– Смотря что иметь в виду под тем светом.

– Да хоть что. Если имеется, смотри, какой интересный расклад получается. Я, к примеру, тут помираю, а там объявляюсь живой и здоровый. И хромать не буду. Так?

– Ладно, поехали.

– Куда?

– К вам.

– Сейчас?

– Конечно.

– Ёкэлэмэнэ! А я с Кандеем поспорил – не поедете. На два «ландыша».

– Что вы имеете в виду?

– Парфюмерию. «Ландыш серебристый», два бутылка. Он же, гад, теперь с меня, с живого, не слезет.

Отец Андрей тем временем подошел к мотоциклу и, не очень уверенно утвердившись на покосившемся седле, завел выдавшую виды машину. Треск мотора заглушил слова продолжавшего что-то объяснять, но почему-то не подходившего ближе посетителя. Отец Андрей сделал круг по двору и подъехал вплотную к попятившемуся мужику.

– Садитесь.

– Во, мать твою... – пробормотал тот и с явной неохотой стал усаживаться в коляску.

– К лесопилке?

– Ну...

Отец Андрей сделал еще один круг и довольно уверенно направил мотоцикл к воротам. Но на выезде из ворот пришлось резко остановиться. На дороге, преграждая путь, стояла Аграфена Иннокентьевна. Она что-то сказала, но из-за треска старой, без глушителя, машины ни отец Андрей, ни его пассажир не расслышали ни слова. Тогда Аграфена Иннокентьевна подошла ближе и большой продуктовой сумкой что было сил огрела по сутулой спине съжившегося в испуге «вдовца». Отец Андрей заглушил мотоцикл и только тогда услышал последние слова Аграфены, которыми она сопроводила свою неожиданную экзекуцию:

– ...прокут недоделанный. Стыда вовсе не осталось. Ты глянь, в какое место пришел, глянь! Нет, прощения просить за все свои непотребства, пользуешься, что батюшка не огляделся, каким образом мы тут проживаем.

– Чего я сделал-то, чего?! – неожиданно закричал мужик, на всякий случай прикрываясь согнутой рукой от возможных повторных ударов. Товарищ священнослужитель сам предложил: «Поехали, ознакомимся с твоими обстоятельствами». Полностью его инициатива.

– Сожительница у него умерла, – растерянно сказал отец Андрей, слезая с мотоцикла. – Попросил помолиться над усопшей.

– Да кто с ним, паразитом вонючим, жить будет? От одного запаха его деколонного собаки нюх теряют. Какая б баба ни была, ей легче во всю жизнь мужика в глаза не видеть, чем с таким огрызком в койку ложиться. Небось рассказывал, как рысь голыми руками изловил?

– А кто ногу изувечил? Кто? Не рысь, да? – не сдавался мужик, по-прежнему прикрываясь рукой.

– В капкан у Наськи Конышевой в погребе попал. Думаешь, не знает никто? Та бражку завела, а этот разузнал каким-то способом, полез. Наське тоже палец в рот не клади – волчий капкан настропалила. На своего мужика рассчитывала, так этот опередил.

– Ничего не опередил, он меня сам туда послал, сволота. Знал, видеть.

– Без ноги, считай, остался, а брагу все равно вылакал.

– Так я для этой... анастасии. Больно же.

– Значит, никто у вас не умер? – с трудом сдерживая улыбку, спросил отец Андрей.

– Вполне могла такая ситуация получиться. Интересно было, как святое лицо на это дело среагирует.

– Ежели ты мотоцикл на прежнее место в сей момент не доставишь, Кандей такое обещался, даже говорить срамно.

– Всегда одно и то же обещает.

– Ну. Они, говорит, ему и так без надобности.

– Да пошел он... – грустно сказал мужик и, хромая, повел мотоцикл со двора.

– Чего, думаете, он всю эту канитель затеял? – спросила Аграфена Иннокентьевна, когда тот скрылся за забором.

– Думаю, из-за «Ландыша», – улыбнулся отец Андрей.

– Сам бы он сроду не допер. У него соображалка до первого пенька – сядет посидеть, откуда пришел, забывает. Был Сергей Афанасьевич, стал Серуня. Подсказали ему.

– Что вы имеете в виду?

– Понадобились вы, батюшка, кому-то.

– Может, неплохо, что понадобился?

– Им до Бога, как на болото дорога. Не желают, чтобы вы у Романа Викентьевича находились. Помешать можете.

– Чему?

– Так чему... Убрать их окончательно.

– Что значит «убрать»? Кого «их»?

– Романа и дочку его. Я зачем спешила-то? Надо вам, батюшка, на новое место жительства перебираться. Вещички ваши чуть позже в полной целостности доставят. Я тут поблизости с хорошим семейством сговорилась. Сама учительница, сестра при библиотеке. Девы обои. Дом у них тихий, чистый, никакого беспокойства не случится, не сомневайтесь даже.

Отец Андрей пристально смотрел на Аграфену Иннокентьевну. Та вдруг смешалась, замолчала, опустила голову.

– А у Романа Викентьевича, значит, помешать могу?

– Кто ж их, сволоту, угадает? Может, сможете, может, и при вас не задумаются. Роман Викентьевич так и велел – даже малость не рисковать. За батюшку, говорит, я перед Богом ответчик.

– Перед Богом за себя я ответчик, а не он. Могу помешать безвинных людей, как вы говорите, «убрать», а вы мне в тихую обитель скрыться предлагаете. Что я после этого людям о Добре и Зле говорить буду?

– Оно так, конечно, – согласилась Аграфена. Помолчав, добавила: – Дела у нас тут страшные намечаются. Сколь годов копилось, а теперь, кажись, предел наступил. У меня вот тоже сыночка загубили, я, что ж теперь, в стороне стоять?

– А мне в сторону предлагаете.

– Так это Роман Викентьевич распорядился. Я вам, батюшка, как на духу скажу – он только с виду такой спокойный и вежливый. А на душе огнем все спалило. Разве его теперь остановишь? А они сейчас на все пойдут. Выхода у них не остается, если Марья признает кого. Рома так и рассудил – пусть приходят. Кто придет, тому первому и ответ держать.

– Давайте так, Аграфена Иннокентьевна, – решительно сказал отец Андрей. – Присядем вот здесь, на бревнышках, и вы мне все подробно расскажете. Какой из меня духовный пастырь, если сам в здешних потемках, как неразумный. Того и глядишь, забредешь в какую-нибудь неудобицу.

– И забредешь, – вздохнула Аграфена Боковикова, присаживаясь на большое неошкуренное бревно. – Посеред людей порой страшней, чем в тайге глухоманной. Там – все от тебя, а тут неведомо еще как повернется.

– Вот и расскажите, что тут у вас и как, – попросил отец Андрей, присев рядом.

* * *

Вечер обозначился на глади озера отражением разноцветных разводов неба, среди которых преобладали тревожные красные и оранжевые тона. Лодка с Машей и Олегом наискось пересекла водное пространство заката и вошла в густую тень высоких скал, причудливо обрамлявших северный берег. Олег заглушил мотор, и лодка бесшумно заскользила к угловатому выступу небольшого мыса.

– Когда видишь такое, становится стыдно, что кто-то тебя называет художником, – шурясь на солнце, застрявшее в щетине прибрежного кедрача, сказал Олег.

- Почему? – не глядя на него, спросила Маша.
 - Природа – единственный великий художник. Подражать ей – бессмысленно, переделывать по-своему – глупо, выдумывать – омерзительно.
 - По-вашему, искусство не нужно?
 - Оно всегда терпит поражение в борьбе с действительностью.
 - Но ведь оно тоже действительность, нет? – полувопросительно-полуутвердительно сказала Маша.
 - Копия, слепок, муляж, фотография, раскрашенная картинка. Это еще в лучшем случае. В худшем – отвратительное искажение. Отец Андрей прав: только икона способна сказать больше, чем природа. Потому что она из другого мира.
 - Какого?
 - Высшего.
 - Он есть?
 - А ты как думаешь?
 - Если бы он был, люди бы знали об этом.
 - Они знают.
 - Ничего они не знают. Не хотят. Он им не нужен. Они его боятся и ненавидят. Лодка ткнулась в берег, но Олег не торопился выпрыгивать на темные камни.
 - Какой-то тревожный закат сегодня, – неуверенно сказал он, оглядываясь по сторонам.
 - Обыкновенный, – не согласилась Маша и еще крепче прижала к себе карабин.
 - Отсюда двинем пешком. Только дождемся, пока стемнеет.
 - А лодка?
 - Спрячем. Тут где-то пещера. Пещерка, углубление в скале. Рядом будешь стоять и не увидишь.
 - Могли бы проехать до устья.
 - Отец не советовал. Вернее, предложил сориентироваться по обстановке.
 - Нормальная обстановка.
 - Не знаю. Что-то не по себе.
 - Чего вы боитесь?
 - Я? Ничего. Боюсь – кто-нибудь нас увидит.
 - Ну и что? Разве мы не можем ехать, куда хотим?
 - Мы не можем, чтобы кто-то узнал, куда мы едем. Чтобы вообще нас видели. Строжайший приказ Романа Викентьевича. Иначе все сорвется.
 - Что сорвется?
 - Все, что он задумал.
 - Неправильно задумал. Он там один, а мы прячемся, словно в чем-то виноваты.
 - Не прячемся, а занимаем выгодную позицию. И он там не один.
 - Она его обманет.
 - Вообще-то я имел в виду не её, – сказал Олег, выскакивая на берег.
 - Это все из-за меня? – тихо спросила Маша.
 - Из-за тебя тоже.
 - А еще из-за чего?
 - Понимаешь... – Олег задумался. – Нельзя все время жить в страхе и унижении. Это непродуктивно и бессмысленно. Согласна?
 - Согласна.
 - Сиди здесь, а я пойду отыщу убежище для нашего плавсредства.
- Он прихватил свое ружье, пошел вдоль берега и скоро исчез за большими камнями, тесно загромождавшими узкую прибрежную полосу.

Маша некоторое время сидела неподвижно, потом встала, с трудом подняла тяжелый рюкзак Олега, вытащила его на берег. Рядом положила мешок с палаткой. Потом оттолкнула лодку от берега, заскочила в неё, и когда берег отдалился на несколько метров, села к мотору и с силой рванула стартер. Мотор завелся сразу.

Выбежавший к самой воде Олег, увидел только, как, удаляясь, лодка растворяется в тревожном зареве заката.

* * *

У ворот дома Егора Рудых остановился милицейский уазик. Сашка, безуспешно пытавшийся запрячь большого, свирепого с виду пса в старенький трехколесный велосипед, оставил это увлекательное занятие и с интересом уставился на идущих через двор Чикина и Надежду.

– А деда на задание пошел, – сказал он, когда незваные гости проходили мимо.

– Куда-куда? – опередила Надежда раскрывшего было рот Чикина.

– Трактор забирать. Он все равно у них без дела стоит. Развалится скоро.

Надежда жестом остановила снова раскрывшего рот Чикина.

– Какой трактор, детка? У кого?

– У вздымщиков, – ответил за Сашку, появившийся на крыльце Ермаков. – Он им без надобности по причине двухмесячного беспробудного запоя, а Егору припасы на участок завозить, к охоте готовиться. Еще вопросы будут?

– Попрошу предъявить документы! – жестяным официальным голосом потребовал Чикин.

Ермаков улыбнулся, но взгляд его остался неприязненным и острым.

– Ты бы, майор, представился для начала. Мало ли какой конь с кокардой сюда припрется. Тут уже одни пытались допрос устраивать. Пришлось объяснить товарищам необоснованность их требований.

– Деда их в реку на телеге спустил, – прокомментировал Сашка.

Побагровевший Чикин потянулся было к кобуре, но, вовремя вспомнив, что ему недавно сообщили о загадочном постояльце Егора, вопросительно оглянулся на Надежду. Надежда подошла к Ермакову и протянула свое удостоверение: – Старший лейтенант Надежда Юрьевна Домнич. А это начальник нашего районного отделения Чикин Эдуард Дмитриевич.

– А у него самого что, язык отнялся? – спросил Ермаков, взяв удостоверение и делая вид, что внимательно его изучает.

– Ну, ты вот что... – шагнув к Ермакову, прохрипел Чикин. – Не посмотрю, что из области...

– Наслышан о твоих здешних художествах, – глядя в упор на Чикина, спокойно сказал Ермаков. – Судя по всему, недолго тебе тут начальствовать. Фактики имеются те еще. Лично я, майор, давно бы тебя посадил, но у начальства, к сожалению, имеются еще кое-какие сомнения. Предупреждаю сразу – сделаю все, чтобы их не осталось. А о моих полномочиях можешь поинтересоваться лично у генерал-майора Веденеева. Документы я тебе предъявлять не буду – запачкаешь. А у вас, сударыня, поинтересуюсь, чем обязан столь лестному посещению?

– Должны произвести задержание Василия Боковикова. По имеющимся сведениям, он находится здесь.

– Ваша правда, находился. Но уже... – Ермаков посмотрел на часы. – Час тридцать семь минут как не находится. Отбыл к месту своего проживания. Разрешите еще полюбопытствовать, у вас всегда на задержание выезжает начальник милиции? Или вы неправильно выразились? Не «задержание», а теплая встреча вернувшегося на родину Героя России?

– Героя? – растерянно переспросила Надежда. – Я не знала.

– Понятно. Нет героя в своем отечестве. Плохо, Чикин, твои осведомители пашут. Чутье у них не на истину, а на пожелания начальства. Отсюда ошибочные решения. А ошибочные решения, как правило, влекут за собой совсем не тот результат, которого ты ожидаешь. Считай, майор, это за последнее предупреждение.

– Да пошел ты! – Видно было, что Чикин еле сдерживается, чтобы не начать действовать в привычном для себя духе. – Этот герой у меня шесть человек покалечил, не успел из тюрьги вылезти. Теперь его туда надолго упакуют. Свидетели имеются, не отвертится.

– Прекрасно. Добавь к своим свидетелям и меня. Лично присутствовал и наблюдал, как шестеро отморожков, вооруженных цепями, металлической трубой, ножами, кастетом одновременно напали на Боковикова. Пришлось вмешаться, правда, несколько поздно для твоих пострадавших свидетелей. Письменные показания готов предоставить в любое удобное время.

Чикин, ошеломленно и с ненавистью уставившийся на Ермакова, вдруг круто повернулся и с не свойственной ему торопливостью пошел к машине.

Надежда, задержавшаяся, чтобы забрать удостоверение, успела шепнуть Ермакову:

– Зря вы так. Он на все пойдет. Ему уже терять нечего.

– В отличие от вас, Надежда Юрьевна. Поэтому прошу вас, будьте предельно осторожны.

Надежда бегом догнала Чикина.

– Он сердитый, да? – спросил Сашка, глядя вслед отъезжавшей машине.

– Это очень даже хорошо, – подмигнул Ермаков Сашке. – На сердитых воду возят.

– Туфту гонит, – вцепившись в руль, прохрипел весь еще багровый Чикин. – Если Васька герой, то я – Анка-пулеметчица.

Надежда фыркнула.

– Ты чего? – оглянулся на нее Чикин.

– Представила.

– Кого?

– Вас. За пулеметом.

– Увидишь еще. Припрет, так и пулеметы в дело пойдут. А этого деятеля я и без пулемета достану. Места у нас опасные, мало ли что с человеком может по неосторожности случиться.

– Вряд ли он будет неосторожен.

– Доложим, что по неосторожности. А Ваську мы сейчас все равно возьмем. Весь поселок в свидетелях будет, как он органам власти сопротивление оказывает.

* * *

Василий неторопливо шел к конторе коопзверпромхоза. Серуня, с трудом кативший навстречу по обочине разбитой дороги мотоцикл с коляской, разглядев Василия, остановился и, дождавшись, когда тот пройдет мимо, громко отрапортовал:

– Докладаю. Провокация не удалась. Так что Аграфена Иннокентьевна спасла гражданина попа в самый последний момент.

Василий остановился.

– А пострадавшая сторона, как всегда, Серуня. Что инвалид, никто во внимание принимать не желает. Качу вот эту хренотень из последних собственных сил.

– Излагай дальше, раз начал.

– Надежда у них была, что поп со мной к покойнице на этом транспорте зарулит. А за похищение его собственных средств передвижения Кандей крутую разборку должен.

– Какое похищение?

– Так вот... – Серуня пнул колесо мотоцикла. – Кандей ведь как? Сначала врежет, потом разбираться начинает. Расчет, что сразу слухи пойдут: посягательство на чужую собственность. Что и требовалось доказать.

– Кому требовалось?

– А матушка ваша, заместо того, кому требовалось, против меня силовые приемы.

– Кто покойница?

– Это так... В виде приманки. Заглотил уже. А тут баба Груня с сумкой...

– Ждут еще?

– А то нет. Кандей для испугу, а сам для серьезного разговору.

– Садись! – приказал Василий, усаживаясь за руль мотоцикла.

– Там еще наличие органов исполнительной власти возможно. Чтобы угон зафиксировать. Я, между прочим, крест помогал водружать.

– Куда едем? – спросил Василий, когда Серуня неудобно устроился в коляске.

– Так на хоздвор, куда еще. В конторе дожидаются. Кандей премиальные на «ландыш» обещал. В случае, если поп. За тебя, Василий Михайлович, потребую в двойном размере. Ждали Гришку, а приедет Мишка.

В предчувствии предстоящих событий Серуня радостно хихикнул.

Мотоцикл круто развернулся и с оглушительным треском запыллил по улице.

* * *

– Едут! – услышав знакомый треск мотоцикла, сказал Домнич и направился к своему рабочему месту за большой директорский стол.

Милиционер, Бондарь с перевязанной рукой и расцарапанной физиономией, и еще тройка мужиков, вызванных в качестве понятых, торопливо расселись на расставленные вдоль стены стулья. Хозяин мотоцикла, местный амбал, используемый Домничем в качестве личного телохранителя и охранника конторы, Григорий Кандеев, по замыслу должен был как потерпевший встретить подъехавших во дворе и с возможно большим шумом при возможно большем количестве свидетелей доставить похитителей в кабинет начальства.

– Сейчас мы гражданину священнослужителю вежливо и культурно разьясим, ху есть ху и какого направления надо придерживаться в местной политической жизни. Где тут карамболина, где карамболета, кого слушать и в каком направлении проводить религиозную агитацию. Между прочим, может стать очень даже полезным союзником, если правильно сориентируется.

Услышав шум, неразборчивые голоса, звуки ударов и тяжелого падения тела, Домнич недовольно поморщился.

– Я же объяснял – работать культурно, вежливо, осторожно. Зачем устраивать девичий переполох из-за какого-то старого мопеда? Это же не местный контингент.

В дверь осторожно постучали.

– Не заперто, – весело сказал Домнич. – Милости просим.

В кабинет заглянул Серуня, оглядел собравшихся, спросил:

– Входить или как?

– Гостям всегда рады. У нас тут места таежные, народ грубый, но справедливый, чужую собственность привык уважать... защищать всеми подручными средствами...

Домнич не договорил, увидев вползающего в кабинет на четвереньках Кандея. Тот мутным взглядом обвел собравшихся и, не в силах справиться с непривычной для себя болью и дурнотой, распластался на пороге, со стуком приложившись бритой головой о деревянный пол. Собравшиеся болезненно вздрогнули от стука и, все как по команде, перевели взгляд на изумленно привставшего со своего места директора коопзверпромхоза.

– Это кто его? Поп? – почему-то шепотом спросил тот Серуню, который с интересом и скрытым торжеством смотрел на бесчувственного Кандея.

– Товарищ поп к покойнице ехать отказался по причине её отсутствия. Молиться, говорит, надо за упокой души невинно убиенных.

– Ты чего несешь, вошь лобковая?! – багровея от злобы, заорал Домнич. – Нажрался уже! Простое поручение исполнить не в состоянии. Поешь тут арии, понимаешь. Какие убиенные, какие молитвы?

– За упокой, Артист, за упокой, – раздался из коридора голос Василия.

Перешагнув через лежащего Кандея, он вошел в кабинет.

– Линяйте, мужики, – попросил он зашевелившихся было свидетелей. – Нам с господином директором о жизни поговорить надо. В каком она у нас направлении складываться будет. Или не будет. Ну! Особого приглашения дожидаетесь? Один уже дождался, хотя я его как человека просил – не лезь, пока не разберемся. Монтировкой стал размахивать. А в тюрьге как? С первого разу не дошло, второго не будет. Пускай, думаю, привыкает.

Домнич, успевший подать милиционеру какой-то знак, неожиданно успокоился.

– Ладно, мужики, поговорить действительно требуется. Во дворе подождите. И Григорию помощь! – крикнул он уже в спину перешагивающим через лежащего Кандея. – Выполнял мое личное распоряжение: «посторонних не пускать». Пострадал во время исполнения служебных обязанностей.

Мужики развернулись и поволокли еще не очнувшегося толком Кандея во двор, куда подходило все больше и больше народа.

– Подводишь уголовную базу? – поинтересовался Василий, усаживаясь сбоку от стола рядом с Домничем. Тот отодвинулся и, зыркнув в окно, удовлетворенно улыбнулся.

– Время такое, Василий Михайлович, время. Не обережешься – не посмеешься. О чем разговор, если не секрет? Если вообще о жизни – несерьезно. Думаю, у тебя вполне конкретные вопросы имеются?

– Не спеши веселиться, – нахмурился Василий. – Пока твои волкодавы соберутся, вполне тебя по стенке размазать успею.

– Зачем такие крайности? Ни тебе, ни мне ни малейшей выгоды. Лучше на берегу договориться. Иначе последствия будут, как в индийском кино. Да и времени в обрез – Колян уже за Чикиным рванул. Полноценно успею ответить только на три вопроса. Потом будем посмотреть.

– Ты Ивана на наше ухожье, на Дальний, под разными причинами три года не допускал. Хорошие участки давал, а на наш не пускал. А когда он туда сам забросился, убили. За что?

– В огороде бузина, в Киеве Юлька Тимошенко. Между прочим, очень она на мою Надежду смахивает. Только моя жинка погарнее. Верно? Хорошо, хорошо, раз обещал, отвечаю. Ни малейшей связи. Во-первых, не убили. В протоколе следствия – «алкогольное отравление». Во-вторых, ухожье ваше, после двух пожаров. Там не только соболя, белки общипанной не осталось. Что я, по-твоему, лучшего охотника коопзверпромхоза Ивана Боковикова на пустышку пошлю? Не поймут. Явная бесхозяйственность. Можешь, конечно, сомневаться, но я Ивана уважал. Спроси у мужиков – ежегодно премии, благодарности.

– У Зарубина дочку опять-таки на Дальнем со скалы сбросили. Она кому мешала?

– Я за пиратов не ответчик. Сам знаешь, где их только ни носит. Всю тайгу испоганили. А что на вашем ухожье – совпадение. Случайность! Чего им, спрашивается, на гарь забредать? Сдуру только. Зарубин, между прочим, не возникает. Понял, что концы искать – пустые хлопоты. В тайге один прокурор – у кого ружье быстрее стреляет.

– У Зарубина, по-моему, другой вариант. Ладно, это его дела. Тогда последний вопрос. К Чикойскому золотишку подбираетесь?

Этот вопрос буквально подбросил Домнича. Он вскочил, спохватившись, тут же сел, посмотрел в окно, выдвинул ящик стола, в котором лежал пистолет, быстро взглянул на при-

стально следившего за каждым его движением Василия, попытался улыбнуться. Но кривая улыбка еще больше подчеркнула его растерянность и испуг.

– Сказки все это, Василий, сказки, – тихо и торопливо заговорил он, то и дело взглядывая на лежащий прямо под рукой пистолет. – Бабы выдумали, а дураки верят. Какое золото? Сроду его тут не было. И быть не могло. Ты на эту сторону лучше не грузи. Перевернемся – всем конец. Война начнется. Черные уже наезжали, принохивались. Да и наши, в случае чего, спуска не дадут. Живой души в районе не останется. Сам понимаешь, время какое. Везде беспредел, везде. Сверху донизу.

– А говоришь – сказки.

– Так мало из-за сказок народу сгубили? Эльдорадо сколько веков разыскивают? Тыщи сгинули. Тут только слух пусти.

– Это верно, только пусти...

Василий поднялся и подошел к окну, к которому он до этого сидел спиной. Во дворе уже собралось несколько десятков человек.

– Как думаешь, если я им сейчас скажу, что вы с тестюшкой к Чикойскому золоту вплотную подобрались. Ивана из-за него отравили, ребенка не пожалели. Получается, там оно, поблизости. Братишка, видать, близко подошел.

Домнич решил. Рука его легла на пистолет.

– Иван о золоте и понятия не имел, – тихо, с кажущимся спокойствием, сказал Домнич. Голос его настолько изменился, что Василий невольно оглянулся. Увидев направленный на него ствол, кивнул головой: – Так, значит. А я, губошлеп, и вправду за сказки посчитал. Ну, если Иван нашел, значит, и я отыщу. Он хоть и слепой вокруг зимовья ходил, а весточку мне наверняка оставил. Такая у нас с пацанов еще договоренность была.

Ты пушку-то убери, рано еще. Вот когда доказательства соберу, тогда и сойдемся на узкой дорожке. Сразу говорю, жалеть никого не буду. А сейчас тебе в меня стрелять никакого резону. Даже в целях самообороны. Если бы вы золотишко отыскали, давно бы уже всей кучей в теплые края подались. Куда планируете? На острова какие-нибудь или прямо в рай заокеанский? Только без Ивановой заначки вам его век не сыскать. А кроме меня, заначку эту ни одна душа не отыщет. Понял?

– Дурак ты, Вася. Если, как говоришь, Иван знал, какой смысл в жмурики его определять? Проследили бы – и все дела. Так что к Ивану мы никакого касательства. «Смыслов нет», как мой дорогой тестюшка любит указывать. Только и тебя смыслов нет под ногами путаться оставлять. Шуму от тебя больно много. А шум, в целях безопасности всего райцентра, совсем ни к чему. Так что в целях самозащиты, при свидетелях...

– Друган твой подоспел, – сказал Василий, наклоняясь к окну и, словно случайно, оперся рукой на тяжелый горшок с геранью.

Во двор въехал и резко затормозил перед толпой у крыльца милицейский «уазик». Чикин, с несвойственной ему прытью, выскочил из машины. Собравшиеся стали ему что-то наперебой объяснять, показывая пальцами на окна кабинета Домнича.

– ...вынужден защищаться, – словно уговаривая самого себя, пробормотал Домнич. Пистолет в его руке ходил ходуном.

– А то и правда стрельнешь, – повернул к нему голову Василий и, выпрямляясь, метнул в Домнича горшок с геранью. Попав в плечо, горшок силой удара отшвырнул Домнича к стене, щедро осыпав влажной черной землей. Пуля после выстрела угодила в потолок, отколов немалый кусок штукатурки.

Толпа во дворе замерла.

– Поговорим еще, – пообещал Василий и, выйдя в пустой коридор, где жался к стене один лишь Серуня, ногой выбил дверь в соседний кабинет и, распахнув окно, выпрыгнул во двор по другую сторону конторы, где в эти минуты не было ни одной живой души – все, мешая

друг другу, столпились на крыльце, пытаясь открыть входную дверь, которую Серуня заложил на засов. Дверь взломали, кинулись к кабинету директора. Василий в это время обошел контору, подошел к сиротливо стоявшему у ворот мотоциклу, завел его и, махнув рукой снова выбежавшим на крыльцо мужикам, погнал по улице.

Домнич, болезненно морщась, сметал левой рукой со стола комья земли.

Чикин, матерясь через каждое слово, отдавал по телефону какие-то приказания.

Кандей, разглядев среди толпившихся в коридоре мужиков Серуню, напролом двинулся было к нему, но тут же потерял из виду. Серуня присел и задом вполз в кабинет, через окно которого ретировался Василий. Он тоже было сунулся к окну, но прыгнуть с такой высоты с покалеченной ногой не рискнул. Кинулся к огромному, еще довоенного производства, шкафу для бумаг и, открыв его, увидел уютно пристроившуюся среди папок початую бутылку, надкусанный огурец и луковицу. Без особых раздумий он торопливо конфисковал временно бесхозное добро и, приоткрыв другую дверку, забрался в соседнее отделение шкафа, отведенное для хранения вещей более объемных, чем старые бухгалтерские отчеты. Едва успел прикрыть за собой дверку, как в кабинет ввалился Кандей, подошел к раскрытому окну и объявил кому-то, вошедшему следом: – Никуда не денутся, обоих достану.

Серуня, сжавшийся в своем ненадежном убежище, понял, что угроза на сей раз реальна и почти неотвратима, дождался, когда Кандей вышел из кабинета, и, не вылезая из шкафа, допил оставшуюся в бутылке водку. После чего стал задумчиво жевать луковицу.

* * *

На четвертый день пути, когда конвойный казацкий отряд расположился вечерним привалом на берегу бурной таежной реки, на прибрежной тропе показался верховой. Часовой из-за густого дыма костров, разложенных от гнуса вокруг бивуака, разглядел подъехавшего, когда тот был уже в полусотне шагов. Он торопливо сдернул с плеча винтовку и громко закричал: – Кто такой?! Стоять! Куда прешь? Стоять, говорю! И поскольку всадник продолжал как ни в чем не бывало приближаться, выстрелил вверх и заорал что было сил: – В ружье! Стой, где стоишь, в тебя теперь стрельну! Ей-богу, стрельну!

От выстрела вздрогнули и беспокойно затоптались сбившиеся в кучу кони, несколько казаков потянулись к винтовкам, остальные с любопытством смотрели сквозь пелену дыма на происходящее.

Всадник подъехал к часовому вплотную, как ни в чем не бывало спешил. Разглядев на потемневшей от недавнего дождя шинели погоны, а на портупее наган и саблю, казак испуганно вытянулся: – Виноват, ваше благородие, не признал.

– Не в том виноват, что не признал, а в том, что еще на прижиме должен был заметить, в ружье всех поднять. Не сено везете – золото. Где подьесаул?

– Так что поехали местность вон с той сопочки обследовать.

К ним уже подходили казаки и топограф Ильин.

– А вот это похвально, – одобрил подъехавший, в котором некоторые, несмотря на закрывавшую лицо сетку, узнали жандармского ротмистра Воскобойникова.

– Как же, ваше благородие, в одиночку? Неровен час чего случиться могло, – пробасил могучий рыжебородый хорунжий Иван Рудых, забирая из рук ротмистра повод и ласково поглаживая по вздрагивающей шее уставшего коня.

– Случилось уже, – ответил тот и, приподняв с лица сетку, пристально посмотрел на стоявшего неподалеку Ильина.

– Кто такой? – спросил он Ивана, кивнув на высокую нескладную фигуру топографа, лицо которого тоже было скрыто сеткой от гнуса.

– А ведь мы знакомы, Николай Александрович, – сказал Ильин, приподнимая сетку и подходя ближе. – У Владислава Станиславовича Насташевского были представлены. Рекомендован, если вспомните, как инженер-топограф...

– Можете не продолжать. Из социалистов?

– Бывших. Взгляды социал-революционеров на террор решительно не разделяю и осуждаю. О чем в свое время письменно изложил вашему непосредственному начальству в Иркутске.

– Ну что ж, похвально, – сказал Воскобойников, направляясь к палатке командира отряда. – По какой надобности здесь? Насколько мне известно, передвижение отряда абсолютно конфиденциально. Никому из посторонних – решительно никому! – здесь находиться не положено.

– Как же, осведомлен. Пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить заинтересованных лиц в обратном. Отряд, по моим сведениям, будет передвигаться по совершенно неисследованной местности...

– Вынужден поинтересоваться, откуда у вас эти сведения?

– Помилуйте, Николай Александрович, об этом чуть ли не последний шаромыга на приисках осведомлен. У половины казаков семьи, дети...

Насколько мне известно, подобные караваны в этом направлении еще ни разу не снаряжались ввиду полной непроходимости здешних мест в летнее время.

– Что же заинтересовало именно вас, Викентий Борисович?

– Видите, вы даже помните мое имя.

– Служба.

– Понимаю. Хочу только напомнить, что по образованию я топограф. Изучение и отображение незнакомой местности некоторым образом входит в круг моих профессиональных обязанностей.

– Хорошо, мы с вами еще поговорим об этом. Сейчас – извините. Чертовски устал с дороги. Вторые сутки в седле. А вот, кажется, и сам Коньшев...

К палатке подходил подъесаул, командир отряда сопровождавших золото казаков. Ему уже сообщили о появлении ротмистра.

– Какой неотложной необходимостью обязан нашей встрече, Николай Александрович? – спросил он, подходя к ротмистру и протягивая руку.

– Вы правы, необходимость действительно неотложная...

Они скрылись в палатке. Ильин, отошедший в сторону, но хорошо расслышавший последние слова ротмистра, остановился, словно в раздумье, и стал напряженно прислушиваться.

– Уха готова, ваше благородие, – пробасил неслышно подошедший к нему Иван Рудых. – Вам как? По отдельности или с общего котла будете, с обществом?

– Сколько раз, Иван, я просил не звать меня «благородием». Я такой же человек, как и все вы. Конечно, с общего. Пора уже привыкнуть.

– Так я это так, для порядку. По отдельности ловчее. Ложку не забудьте, как прошлый раз. А то казачки мигом сметут, пока ходите.

* * *

– Вынужден вас огорчить, Александр Вениаминович, – с трудом стягивая промокшую шинель, сказал ротмистр. – Просуши, братец, – протянул он её заглянувшему в палатку молоденькому казаку. Потом тяжело опустился на походную кровать подъесаула и жестом пригласил того сесть поближе.

– Весь внимание, – сказал подьесаул. – Насколько понимаю, повод для вашего внезапного появления должен быть из ряда вон?

– Более чем, более чем. Не предложите ли стаканчик чего-нибудь согревательного? Промок до исподнего.

– Сергей! – крикнул подьесаул и приказал заглянувшему в палатку казаку: – Мою фляжку. В сумке, где карты и патроны.

– И еще, братец, – остановил казака ротмистр. – Покарауль затем хорошенько. Чтобы ближе чем на десять шагов вокруг палатки ни души. Понял?

– Так точно!

– Исполняй. Да побыстрее. зуб на зуб не попадает. Кстати... – Он снова повернулся к командиру отряда. – Пока суть да дело, кто вам рекомендовал в отряд Ильина?

– Пришел сам, безо всяких рекомендаций. Объяснил, что весьма заинтересован в изучении местности, по которой мы вынуждены будем передвигаться. Между нами, Николай Александрович, я до сих пор в значительном затруднении. Приблизительный маршрут мы, конечно, наметили. Весьма и весьма приблизительный. На картах – сплошное белое пятно. Присутствие в отряде инженера-топографа мне показалось как нельзя более кстати. Его единодушно характеризовали как очень дельного специалиста.

В это время посланный казак внес фляжку с водкой и котелок с дымящейся ухой.

– Ущицу, ваши благородия, казачки сгоношили. Иван Рудых такого тальменя заловил – любо-дорого. Зверь!

Казак поставил котелок на походный стол, достал стаканы, тарелки, ложки, нарезал хлеб.

– Не забудь проследить, – сказал ротмистр, когда тот направился к выходу.

– Не извольте беспокоиться. С полным понятием. Хорунжий еще двух часовых на подходах выставил.

Подьесаул разлил по стаканам водку.

– С Богом! С благополучным прибытием!

Выпили. Ротмистр взялся было за ложку, но, подумав, отложил ее.

– В качестве предисловия. По дороге в меня дважды стреляли. На выезде с прииска и на Желтугинской гари. Слава богу, без последствий. Как, по-вашему, что сей факт означает?

– Кто-нибудь знал о вашем... вояже?

– Ни одна живая душа.

– Тогда непонятно.

– Это с одной стороны. С другой – очень даже согласуется со сведениями, которые я вам сейчас изложу. С вашего разрешения, повторю. Нервы стали ни к черту.

Он налил себе водки, залпом выпил, зачерпнул ухи, проглотил и, обжегшись, часто и глубоко задышал, раскрыв рот.

– Собачья служба. Все смотрят на нас, как на врагов, а без нас давно бы уже всю Россию, как великого князя, – на куски. Без сомнений и жалости. Я эту мразь революционную зубами готов. Жидовня, недоумки из студентов, недоучившиеся гимназисты, садисты, неврастеники, воры и убийцы, писателишки, возомнившие себя истиной в последней инстанции, для которых чем хуже России, тем лучше им. Ненавижу!

– Успокойтесь, Николай Александрович. В ваших словах много правды, но не все так ужасно. Хороших людей все-таки больше.

– Вы еще увидите, что они сделают с нашей Россией. По колена в крови побредем. Всеобщее одичание и ненависть начнутся. Поэтому нельзя, нельзя им спускать. Расстреливать, вешать безо всякой жалости. Сотни погибнут, миллионы спасутся.

– Я вижу, вас очень расстроило происшествие с вами. Эти выстрелы...

– К черту выстрелы! Я даже рад. Они подтверждают то, что я должен вам сообщить. Хотя, признаюсь, испугался. Страшно ехать по диким местам и ежеминутно ожидать выстрела в спину. Ладно, все это нервы, эмоции. Давайте к делу.

Теперь он заговорил почти шепотом:

– По совершенно достоверным сведениям от моего глубоко законспирированного агента, человека, которому я абсолютно доверяю, золото, которое вы по срочной государственной надобности должны доставить в Иркутск, никогда туда не попадет.

– Извините, ротмистр, не вполне вас понимаю.

– Во-первых, депеша о государственной необходимости и срочности – фальшивка. Точнее – не вполне фальшивка. Инспирирована в определенных правительственных кругах с целью... Вот цели, признаюсь, мне пока не вполне ясны. Кроме одной. Семнадцать пудов золота, которые вы сопровождаете, в пути должны бесследно исчезнуть. Кто за этим стоит, еще предстоит разобраться. Если, конечно, у нас появится такая возможность.

– В таком случае следует незамедлительно повернуть назад.

– Ошибаетесь, Александр Вениаминович, ошибаетесь. С целью экспроприации доверенного вашей охране груза, господа эсеры, эсдеки и прочая революционная сволочь, опять-таки по совершенно достоверным сведениям, сколотили боевую группу, сумели договориться с шайкой Шушканова, с хунхузами, и сейчас идут по вашему следу. Предвижу ваши возражения – мол, не вашим казачкам бояться этого сброда. Простая арифметика. В отряде вместе со мной двадцать семь человек. У них – не меньше шестидесяти. Среди них опытные таежники, отличные стрелки. Немного, но есть. И почти все – жестокие и безжалостные убийцы. Повернув, угодим прямо им в пасть.

– Что вы предлагаете?

– Судя по всему, нападения надо будет ожидать у Парамы. Переправы через Угрюм вам не миновать. Пока будете рубить плоты, переводить лошадей, отряд будет почти беззащитен. За это время они подтянутся, нападут и с этого, не исключено, и с противоположного берега.

– Предупрежденный об опасности уже наполовину победитель. Я тоже предвидел, что переправа – самое опасное для нас место. Но оставаться в бездействии, насколько я понимаю, мы тоже не можем.

– Не вижу смысла.

– А если схоронить золото и попытаться прорваться?

– Останутся следы, отыщут. Да и прорваться вряд ли, тропа на прижиме перекрыта. Ваш покорный слуга в этом уже удостоверился. Хорошо, ночь и непогода подсобили.

– Тогда остается единственный выход. Через Акитканский хребет.

– Браво, Александр Вениаминович!

– Местность, правда, совершенно не исследована...

– Скажу больше – для местных туземцев она табу. Орочны даже не смеют к ней приближаться. Говорят, что оттуда еще никто не возвращался.

– Бог милостлив. В горах мы можем держать наших преследователей на расстоянии. Обойти нас они тоже не смогут. И золото там можно спрятать куда надежнее, безо всяких следов. Это в крайнем случае. И налегке оторваться.

– Еще раз браво! Я рад, что мы мыслим в одном направлении. Чертовски хочется оставить господ социалистов с носом. Есть, правда, одно «но»...

– Не томите, ротмистр. Сюрпризов и без того хватает.

– В отряде есть их человек. Продвигаясь по вашему следу, я время от времени наткнулся на такие вот знаки...

Ротмистр достал из своей походной сумки три тонких прутика, связанных посередине наподобие буквы «Ж» желтым лоскутком.

– Поручу Ивану Рудых проследить. Лучший следопыт в отряде. Уверен, в ближайшее время выявим этого... В муравейник живьем закопаю!

– Прекрасно. Тогда еще один сюрприз. Последний.

Ротмистр, приложив ладонь ко рту, прострекотал кедровкой. Издалека донесся ответный стрекот.

– Держу пари, ротмистр, в детстве вы увлекались игрой в индейцев. И что же сей клич означает?

– Через хребет нас поведет проводник. Орочон. Кочевал за хребтом. В местах этих оказался случайно, преследовал китайца-спиртоноса, изнасиловавшего его дочь. Настиг уже у самого прииска и на глазах у десятков людей пристрелил, как собаку. Осудили к каторге. Мне стоило немалых трудов освободить его.

– И он согласился? Несмотря на табу?

– Считаете, у него был выбор?

– Как бы его сейчас мои казачки не подстрелили.

– Подстрелят, останемся без проводника. Впрочем, не думаю. Заходи, Оро.

В дальнем конце палатки послышался шорох, и под полог проскользнула малоразличимая в полутьме фигура. Человек выпрямился и внимательными печальными глазами посмотрел на ротмистра.

– Как там, спокойно? – спросил ротмистр, улыбаясь молчаливому изумлению подьесаула.

– Маленько спокойно, маленько не очень. Который человек в тебя стрелял, вниз упал. Башку о камень разбил. Совсем разбил, сразу помер.

– Русский? Хунхуз?

– Не понять, темно было. Какая разница, все равно дохлый.

– Прикажите казакам, чтобы накормили и винтовку выдали. Под мою ответственность. И еще, Александр Вениаминович... Мое начальство из-за отдаленности и необходимости незамедлительно принять решение на сей счет никаких распоряжений передать не могло. Посему на время, потребное для достижения пункта назначения, поступаю в ваше полное распоряжение.

– Благодарю, Николай Александрович. Счастлив вашей поддержке. Уверен, мы им еще покажем, где раки зимуют.

Подьесаул пронзительно свистнул. Через несколько секунд в палатку просунулась голова Ивана Рудых. Изумленно подняв брови, он уставился на орочона.

– Хреново службу несете, – нарочито суровым голосом сказал подьесаул. – Так и без штанов остаться недолго. Или без головы. Накормить, напоить, выдать оружие. Будет нашим проводником. Молодец, – сказал он Оро. – Научишь моих казачков невидимками, как ты, продвигаться, отблагодарю. Если живы будем, – добавил он, когда Оро и Иван вышли из палатки.

* * *

Зарубин сидел в комнате дочери на ее кровати, опустив голову и закрыв глаза. Со стороны могло показаться, что он спит или устало дремлет после почти бессонной ночи. Резкий телефонный звонок в одной из комнат первого этажа вынудил его открыть глаза. Но встать он не торопился. Словно пытаясь понять, кто ему может звонить в это время, нахмурился и долго прислушивался к резким и таким неуместным в нежилой пустоте большого дома звукам. Казалось бы, звонивший должен уже догадаться, что хозяев нет дома или они не хотят подходить к телефону. Но звонок продолжал настойчиво терзать тишину опустевшего дома. И только когда он замолчал, Зарубин встал. Медленно спустился вниз. Лежавший у входной двери Кармак поднялся и внимательно посмотрел на хозяина.

– Сторожи! – приказал тот. – Только на тебя надежда.

Кармак послушно лег на прежнее место, продолжая следить за хозяином упрекающим, как почему-то показалось Зарубину, взглядом.

Зарубин взял лежавший на столе карабин с оптическим прицелом, подошел к окну. Солнце ярко освещало противоположную сторону пустынной улицы. Он приложил карабин к плечу и навел на окно соседнего дома. Окно было раскрыто и наполовину задернуто шторой. В полутьме комнаты за полыхающими цветами герани лицо человека было почти неразличимо. Но Зарубин хорошо знал, чье это лицо и по чьему приказу человек неотлучно следит за его домом. Не отрываясь от прицела, он посмотрел вдоль улицы. Сначала улица была пустынна. Неожиданно в перекрестье появилось лицо Василия. И тут же исчезло. Зарубин опустил карабин. По улице с оглушительным треском мчался старый мотоцикл. За рулем сидел Василий. Мотоцикл пронесся мимо дома Зарубина и резко свернул в ближайший проулок. И тут же из клубов еще не осевшей пыли вынырнул милицейский «уазик». Человек в доме напротив высунулся из окна и замахал рукой, показывая на проулок. «Уазик» на несколько секунд затормозил, затем сорвался с места и, с трудом вписавшись в поворот, едва не снес покосившийся забор, огораживающий обветшавшие строения полузаброшенных лесозаводских складов, тянувшихся проулком до самой реки.

Когда клубы пыли на улице окончательно разнесло очнувшимся вдруг ветерком, Зарубин разглядел неторопливо идущих к дому Аграфену Иннокентьевну и отца Андрея. Но и на этом еще не закончились неожиданности, буквально за несколько минут переполнившие до этого пустынную и, казалось бы, засыпавшую от скуки улицу. Занимая почти всю ее ширину, с противоположного конца выехал тяжело груженный лесовоз. За его рулем сидел шофер, который привез в поселок отца Андрея. Тельминов с карабином в левой руке стоял на подножке. У ворот зарубинского дома, к которым уже подошли отец Андрей и Аграфена Иннокентьевна, лесовоз резко затормозил. Все скрыли густые клубы пыли. Когда лесовоз поехал дальше, а пыль снова разнесло ветром, высунувшийся из окна человек в доме напротив увидел только плотно закрытые ворота.

– Мира между ними и мной не будет, отец Андрей. Ни при каком раскладе не будет. Для них это вопрос дальнейшего существования, для меня – смысл жизни. Не будет мне покоя ни здесь, ни там... – Зарубин посмотрел вверх. – Пока эта мразь по земле ходит. И поскольку это только мое, личное, не хочу, чтобы еще кого-то хоть краем задело. Не обижайтесь – один справлюсь. А не справлюсь – похороните как положено. Под крестом.

– Василий один, вы один, я... Так и изничтожат поодиночке, как Ивана, – глядя в сторону, сказал Михаил. – Они-то скопом держатся. Правильный товарищ священник вывод сделал: при свидетелях десять раз подумают окончательно концы рубить. Мне один исключительно гениальный мужик в сумасшедшем доме так объяснял: «Помышляешь оказаться сильным, опирайся на правду свою». Правда-то у нас, не у них.

– Правду защищать надо, – сказал Зарубин.

– Ну а я о чем? Вас, что ль, одного задело? Нас тут сколь уже лет хлещут. И по мордам, и по почкам, и по черепушкам. На кладбище каждая вторая могилка у мужиков – «трагически погиб». Кто по пьяни, а кто тоже, как вы, в одиночку норовил. Как хочешь, Роман Викентьевич, а держаться нам сейчас вместе надо. Иначе сплошной крематорий, а не деревня солнца.

При этих словах отец Андрей поднял голову и вопросительно посмотрел на Михаила.

Они расположились в разных концах комнаты. Зарубин сидел за столом, отец Андрей устроился на диване. Тельминов стоял у окна, по-прежнему не выпуская из рук карабин.

Аграфена Иннокентьевна, как только вошли в дом, подалась на кухню и сейчас высыпала в закипавшую в кастрюле воду пакет пельменей. Неожиданно за окном промелькнула какая-то тень. И хотя Аграфена стояла к окну боком, движение это она почувствовала, замерла, затем, стараясь не выдать себя неловким движением, потянулась к большому кухонному ножу. Чуть

слышно скрипнула дверь. Аграфена схватила нож и резко обернулась. Перед ней стоял Василий.

– Нас, Боковых, ни с наскоку, ни с подтишка не прихватишь. Верно, мать? – тихо сказал он, приобняв за плечи качнувшуюся к нему мать.

– Тебя как Кармак-то не почуял? – спросила та, отстраняясь, и, отложив нож, взялась за ложку, чтобы перемешать осевшие на дно кастрюли пельмени. Так было легче скрыть навевшиеся на глаза слезы.

– У меня с собачьим народом давний договор. Хоть раз обнюхаемся – друзья навеки. Забыла?

– С вами все на свете позабудешь. Любаша с утра прибежала – Ваську, кричит, арестовывать отыскивают. Такая драка ночью организовалась – в больницу очередь на полкилометра стоит. А я и знать ничего не знаю. Как давеча ушел, так с концами. Вообще-то она баба неплохая. Отказалась Чикину показанье давать, что ты ее насильничать хотел. Я, говорит, может, только радая была, так он на меня вроде как и смотреть не с хотел.

– Кто там с Романом Викентьевичем?

– Мишка твой. Отец Андрей возвратился. Не захотел от беды чужой отходить.

– Какой беды?

– Не слышал, что ль?

– Про дочку?

– Викентьевич специально слух пустил, что она в себя пришла и теперь убийцев своих и насильников опознать может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.